

АЛЕКСАНДР ЧИНЕНКОВ

Волжский роман

Христоверы

Волжский роман

Александр Чиненков

Христоверы

«ВЕЧЕ»

2019

Чиненков А. В.

Христоверы / А. В. Чиненков — «ВЕЧЕ», 2019 — (Волжский роман)

ISBN 978-5-4484-8041-6

Новый роман известного писателя из Оренбуржья Александра Чиненкова повествует о событиях начала XX века. Отголоски потрясений, которые изменяют всё происходящее, накладывают свой отпечаток и на жизнь провинциальной Самары. Стоящая на пороге грандиозных перемен Россия, несмотря на внешнее спокойствие, пронизана накалом страстей и предчувствием того, что в стране в скором времени произойдет нечто грандиозное. Евстигней Крапивин, попав под влияние проповедей старца Андрона, приводит молодую супругу Евдокию в секту христоверов-хлыстов. Начинается Первая мировая война, Евстигней уходит на фронт, а Евдокия с младшей сестрой Марией погружаются в жизнь общины.

ISBN 978-5-4484-8041-6

© Чиненков А. В., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Часть первая. Божьи люди	6
1	6
2	9
3	11
4	13
5	18
6	20
7	23
8	26
9	29
10	32
11	36
12	40
13	42
14	45
15	49
16	55
17	57
18	60
19	65
20	69
21	73
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Александр Владимирович Чиненков

Христоверы

© Чиненков А.В., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Часть первая. Божьи люди

1

Майское солнце приближалось к зениту. С городских улиц медленно исчезали длинные тени. Ярко искрились золотые купола церквей.

Базарная площадь напоминала растревоженный улей. С примыкающих улиц на нее въезжали гружёные телеги, сновали люди – продавали, покупали, прогуливались скуки ради.

Среди них привлекала внимание высокая стройная девушка в черном платье. Стараясь не смотреть по сторонам, она опустила голову и поспешила затесаться в толпе. Разодетый мужчина лет пятидесяти смотрел на красавицу полным восхищения взглядом.

Девушка торопливо пересекла площадь и вышла к зданию почты. Когда она остановилась у входа, преследовавший ее мужчина замер в стороне.

Девушка перешла через зал к прилавку и, не задавая вопросов, жалобно посмотрела на пожилого служащего, занимающегося сортировкой писем.

Тот поднял голову и, глядя на неё поверх очков, натянуто улыбнулся:

– А-а-а, снова пришла, милая? А я вот тебя и нынче порадовать не могу. Нет весточек от мужа: ни письма, ни похоронки. Я же тебе не раз говорил, горюшко луковое: коли на твоё имя что будет, я сам тебе в Зубчаниновку принесу.

Тяжело вздохнув, девушка развернулась к выходу, сопровождаемая полным сочувствия и сожаления взглядом.

* * *

Заинтересовавшийся красавицей мужчина терпеливо дожидался её выхода у двери почты. Занятый своими мыслями, он не заметил, что рядом остановилась коляска. Сидевший на козлах кучер лёгким покашливанием прочистил горло и поинтересовался:

– Иван Ильич, домой-то когда поедет? Нам ещё...

Мужчина вздрогнул от неожиданности, развернулся и погрозил кучеру кулаком.

– Понятно, барин, – вздохнул тот. – Моё дело маленькое, затыкаюсь и жду.

– Эй, дружище? – и кучер лениво повернул голову влево.

Рядом остановилась коляска.

– Чего тебе?

– Да так, – хмыкнул кучер. – Вот и мой барин такой же обормот, как и твой. Как куда уйдёт, так разом и провалится. Бывает, часами его дожидаюсь. И слова ни скажи, слухать не станет. А ежели под мухой будет, то и в рыло садануть горазд.

– Не-е-ет, мой барин кулаками не шалит, – усмехнулся кучер. – И к слугам своим относится заботливо. Человек он в Самаре уважаемый, значимый. Может, слышал про купца Ивана Ильича Сафронова?

– Не знай, может, и слышал, – хмыкнул «коллега». – Судя по коляске, видать, человек большущий, барин твой, и немалых денег стоит.

– Верно, таков он, – согласился кучер. – Больших, очень больших денег стоит барин мой. И баб красивых недуром любит. Как завидит красотку, так и разум из башки вон.

Выйдя из здания почты, девушка тут же оказалась в объятиях купца Сафронова. И оба кучера замолчали, наблюдая за этой картиной.

– Позволь представиться, красавица, – горячо прошептал Сафронов, обнимая девушку. – Меня зовут Иван Ильич, а тебя как?

От неожиданности девушка вскрикнула и упёрлась ему в грудь обеими руками.

– Твое красивое личико полно печали, – не замечая сопротивления, горячо шептал Сафронов. – Только прикажи, и я брошу к твоим великолепным ножкам всё, что пожелаешь!

Девушка затрепетала, у неё подкосились ноги. Тяжело дыша, она тщетно пыталась высвободиться из рук незнакомца.

– Ну, чего артачишься, красавица? – наседали тот. – Я как тебя увидел, так и разум потерял. А ты... Ну чего ты кочевряжишься, красотка?

Горящий взгляд Сафронова прожигал девушку насквозь.

– Негоже так, барин! – в отчаянии воскликнула она, резко откинув голову. – Что люди-то скажут! Замужняя я и не нуждаюсь в ваших ухаживаниях.

– Да-да, я дурно воспитанный грубиян, – отпуская её руку, ухмыльнулся Сафронов. – Если тебя постигло какое-то горе, только скажи? Я берусь утешить тебя в своих горячих объятиях!

Купец пытался взять девушку пальцами за подбородок, но она уклонилась. Тогда он снова попытался обнять её, но она развернулась и побежала под хохот и улюлюканье толпы.

– Ну? Чего скалитесь? – раздражённо закричал на гогочущих людей Сафронов. – Делами займитесь, пока зенки не полопались.

Бежать за девушкой и искать её в толпе купец не решился. Тяжело вздыхая, он направился к двери почты и зашел внутрь.

* * *

Войдя в зал, Сафронов осмотрелся и, увидев разбирающего почту мужчину, подошел к прилавку.

– Чего вам? – прерывая работу, спросил тот. – Я не принимаю и не выдаю корреспонденцию.

– Мне до твоей корреспонденции дела нет, любезный, – ухмыльнулся Сафронов. – Знаешь ли ту девушку, которая только что вышла из здания?

– Евдокия Крапивина это, – задумчиво ответил служащий, – только не девушка она, а замужняя женщина и души не чаёт в своём муже.

– А ты откуда знаешь? – удивился Сафронов.

– Так уж год прошёл, как он на фронт ушёл, бедняга, – вздохнул мужчина. – Видать, сложил где-то головушку на поле брани. А она вот от него всё весточку ждёт и едва ли не каждый божий день к нам заглядывает.

– Спасибо, старик, – выдохнул воодушевлённо Сафронов. – Спасибо за весточку добрую. А теперь говори, где живёт она, и я больше не буду мешать твоей работе.

– Не взыщи, барин, но я не могу тебе сказать, где она проживает. Ты же к блуду склонять её собираешься, а я не приемлю такого безобразия, – покачал головой служащий.

Сафронов достал из кармана пятирублёвую купюру.

– А ты не думай о совести, старик. Говори, где живёт эта девка, и здоров будь. У меня нет времени с тобой тут рассусоливать.

– Скажу тебе, барин, – нерешительно произнес служащий. – Не простая она девка. Ну ежели желанье в том есть, ищи её в Зубчаниновке у хлыстов-христоверов.

У Сафронова от удивления вытянулось лицо.

– Так что, эта девица сектантка?

– Я сказал всё, что знаю, – усмехнулся мужчина. – А теперь прощай, барин.

Сафронов с озабоченным лицом поспешил к выходу. Служащий пригладил ладонью карман, в который положил полученную купюру, и продолжил свою рутинную работу.

2

Мария Белова, сестра Евдокии Крапивиной, была высокой красивой девушкой. Она хорошо знала все заповеди христоверов, соблюдала их обычаи. Сектанты отвергали все родственные узы, считаясь духовными братьями и сёстрами. Мария изо всех сил пыталась относиться к Евдокии как к духовной сестре, но не получалось. Сердце противилось подобному кощунству.

Мария была младше Евдокии на пять лет и всегда относилась к ней с почтением и уважением. Вслед за старшей сестрой и ее мужем она ушла к хлыстам. Родители отказались от них, и Мария всю свою любовь отдавала теперь ей.

В избе стало совсем темно. Девушка зажгла свечу и стала накрывать на стол в надежде, что сестра вот-вот появится. Огонёк свечи тускло освещал горницу, и она казалась мрачной темницей с гладкими скамейками, используемыми хлыстами для собраний и радений.

В очередной раз вздохнув, Мария вышла на крыльцо. Сердце наполнилось тревогой.

– Никак в церковь снова зашла и теперь выстаивает там все службы! – в сердцах высказалась девушка. – Если не побоится идти в темноте, то скоро явится. А если побоится? К кому на ночлег попросится?

Мысль о том, что сестра может попасть в беду, не на шутку встревожила девушку. Сердце болело и ныло в груди, и дальнейшее ожидание превратилось в пытку.

Евдокия вошла в дом, когда на улице уже совсем стемнело. Мария сухо поздоровалась с сестрой и выставила на стол ужин.

– Что с тобой, Маша? – спросила Евдокия. – Ты сама-то поужинала?

– А чего мне ждать, – едко ответила Мария. – Я уже давно поела, куда ты отбивала в церкви поклоны.

Евдокия начала есть приготовленную сестрой пищу и...

– А почему ты одна? Где все? – неожиданно встрепенулась она. – Агафья, Андрон, где они? Или же спят за печкой?

– На радении они в Самаре, – буркнула Мария. – Ты что, и память свою в церкви оставила?

Евдокия знала, где находятся старец и «богородица», а спросила о них потому, чтобы завести разговор и встряхнуть сестру, затеявшую игру в молчанку.

Мария поняла ее хитрость и, помолчав с минуту, поинтересовалась:

– В церкви была, Евдоха?

– Была, – вздохнула девушка.

– И что тебя всё туда тянет?! – спросила Мария, не смотря на сестру. – Здесь не запрещают ходить в церковь, но и не одобряют.

– Ну и пусть, – вздохнула Евдокия. – Кому как, а мне хорошо и спокойно в стенах храма.

Ей хотелось рассказать сестре, какое наслаждение она испытывает во время богослужения, излить свою радость от общения с Богом, но, взглянув на кислое лицо Марии, тут же передумала.

– Если так Бога чувствуешь, так почему же предала его, Евдоха? – едко поинтересовалась девушка. – Почему не отговорила Евстигнейя своего сюда, к христоверам, идти? И я потянулась за тобой, как за сестрой старшей, так чего же теперь?

– Кто же знал, что так будет? – вздохнула Евдокия. – Ты за мной потянулась, а я за мужем. Теперь, как быть, и не знаю: Евстигней как в воду канул, уйти отсюда некуда, а душа всё к Богу тянется.

– Бог на небе, а мы на земле, – выпалила раздражённо Мария. – Помощи от него не дождёшься, хоть лоб расшиби о пол церкви. А тебе что, здесь плохо живётся? Не клята, не мята. Ещё не известно, как жила бы ты в миру: лучше ли чем здесь, в общине?

– Не говори так, будто разума лишилась, – рассердилась Евдокия. – Никогда не хули Бога, сестра. Господь велик и всемогущ! И только Ему одному решать, кому помочь в этом мире суетном, а кому выбираться самому.

Она кинула долгий вопросительный взгляд на сестру, ожидая увидеть на её лице сожаление или раскаяние. Мария в ответ поморщилась и отвернулась.

– А знаешь, сестра, – Евдокия решила сменить тему, – сегодня днём, когда я шла на почту, за мной увязался один барин. Он обнял меня, к себе прижал, я аж вся затрепетала.

Мария улыбнулась – её заинтриговало откровение сестры.

– Пьяный, что ли, был барин тот?

– Да нет, не пахло от него, – смутилась Евдокия. – Но он вёл себя так вольготно, будто не стеснялся людей. А их было на базаре видимо-невидимо.

– Баре многое себе позволить могут, – усмехнулась Мария. – А ты что ж, и на помощь никого не позвала?

– А кого звать, – вздохнула Евдокия. – Я ж тебе сказала, что на базаре полно народу было. Но все только пилились на нас и противно гоготали.

– Знаешь что, сестра, а давай-ка спать? – неожиданно предложила Мария. – На кровать Андрона обе ляжем, она большая и удобная.

«Ну вот, слава богу, успокоилась», – с облегчением подумала Евдокия, а вслух произнесла:

– А что, давай ляжем на его кровать. Он до утра едва ли явится, а утром...

– А утром он и не заметит, что мы нежились в его постели, – улыбнулась Мария и с лёгким сердцем принялась убирать со стола. – А ты, Евдох, не стой столбом, разбирай кровать. Мне спать очень хочется, а ещё больше поговорить об ухажёре твоём. Ты же мне расскажешь обо всём подробненько, правда, сестрица?

3

Молельный дом хлыстов располагался в середине посёлка Зубчаниновка. Большой, свежeweбеленный, с крашеными воротами, с новым забором... Окна закрыты ставнями, изнутри старательно завешены плотными шторами.

Из дома слышится хоровое пение. Звонкие женские голоса разносятся в сумраке вечера едва ли не по всему посёлку. У ворот и забора толпятся люди, привлечённые пением.

С остановившейся недалеко от дома коляски сошел купец Сафронов.

– Серафим? – приказал он. – Поезжай домой, братец. За мной завтра утром приедешь.

– Чудно глядеть на вас, Иван Ильич, – ухмыльнулся кучер. – Вы же всегда богато одеваетесь, а нынче...

– Так надо, Серафим, так надо, братец, – вздохнул Сафронов. – Я же не на купеческое собрание приехал и не в приличное общество с визитом пожаловал. Я должен соответствовать тем людям, к которым приехал.

– Тогда удачи вам, барин, – ухмыльнулся кучер, дёргая за вожжи. – Спозаранку здесь буду.

Сафронов остановился у ворот молельного дома рядом с опирающимся на посох стариком.

– Что здесь за концерт, милейший?

Старик повернулся вполоборота и со вздохом ответил:

– Это не концерт и не веселье. Эдак хлысты радеют, нехристи.

– Радеют? – удивился Сафронов. – Ты хочешь сказать, что так они молятся?

– Понимай, как хочешь, – ухмыльнулся старик. – Они то поют, то пляшут, черти окаянные. А так поди разберись, молятся они Господу Богу или Сатану эдак радуют.

– Понятно, – вздохнул Сафронов. – Пожалуй, зайду и сам погляжу на радение и послушаю голосалии.

Он открыл калитку и с беспечным видом пошел к крыльцу.

* * *

Евдокия Крапивина с сестрой Марией пели самозабвенно, с упоением. Их сильные чистые голоса преобладали над остальными. В пении девушек столько души и чувств, столько трогательной искренности и простоты, что наблюдающие за голоссалиями гости не могли сдержаться от умиления слёз.

Пришедшие на радения люди стояли впритирку, не замечая тесноты и духоты, наполняющей горницу. Зайдя в дом, Сафронов увидел поющую Евдокию, и его сердце наполнилось радостью, глаза заблестели. Белая рубаша на девушке возбудила в нём бурное желание и безудержную страсть.

В переднем углу горницы сидел мужчина с седой бородой, испещренным морщинами лицом и мутными слезящимися глазами. Старик тихо подпевал хору и одновременно наблюдал за толпящимися людьми. Когда пение закончилось, он открыл книгу, которую держал в руках.

В это время как хлысты, так и гости пришли в движение.

– Андрон... Старец Андрон! – послышались в горнице полные восхищения голоса. – Старец Андрон сейчас проповедь читать будет!

– Стечёмся, братие, во храм нерукотворный! – начал старец. – Поклонимся духом Истинному Богу!

Андрон сделал паузу и обвёл взглядом присутствующих.

– Один человек искал обители Иисуса Христа на земле и, пришедши в монастырь, спросил: не тут ли Он, но ему ответили: «был раньше, а теперь куда-то ушёл». Тогда человек стал искать Христа среди священников, но те ему ответили: «мы только слышали о Нем, а сами Его не видели: мы живём не ради Иисуса, а ради хлеба куска»...

Старец читал выразительно и неторопливо.

– Не нашёл человек Христа и среди судей, – продолжил Андрон. – Не было Его и среди царей... И в отчаянии схватился человек за голову: как же жить на земле без Христа, без воплощённой Красоты, Чистоты и Любви? И услышал человек голос: «Что ты ищешь Живого среди мёртвых? Его здесь нет»... И задумался человек, и решил: а дай-ка я поищу Его в сердце своём!

Андрон прервал проповедь, но только на мгновение. Стоявшая сзади старушка подала ему бокал с водой. Отпив несколько глотков, Андрон продолжил проповедь, но Сафронов не слушал его. Он так увлёкся созерцанием Евдокии, что позабыл обо всём на свете.

4

В полночь у ворот молельного дома хлыстов остановились три телеги. Люди с фонарями быстро соскочили на землю и оцепили дом. Один из них с погонями поручика на плечах взбежал на крыльцо и распахнул дверь.

При его появлении в горнице зависла гробовая тишина. Поручик посмотрел влево, вправо и остановил взгляд на старце Андроне.

– Эй, ты здесь главный, образина чёртова?

– Так и есть, я, господин офицер, – прижимая к груди книгу, ответил Андрон.

– А вы чего здесь собрались, скоты безрогие? – крикнул поручик, оборачиваясь к толпе. – Чего вы здесь вытворяете, безбожники?

– Так молимся мы здесь, господин поручик, – ответил Андрон, вздыхая. – Мы же божьи люди, а не злодеи какие-то.

– Вы? Люди? – воскликнул удивлённо поручик. – А мне сообщили, что здесь беснуется кучка безбожников-хлыстов.

Открылась дверь, и в дом вбежал унтер-офицер. Работая руками и плечами, он раздвинул толпу и остановился перед поручиком.

– Ваше благородие, люди расставлены, ждём приказа действовать, – вытягиваясь в струну, отрапортовал он.

– Вот и действуйте, раз готовы, болван, – раздражённо буркнул поручик.

– С-слушаюсь. А-а-а... А с чего начать прикажете, ваше благородие?

– Всех баб взашей из избы вон, Семечкин! Вот с этого и начинай.

Стоя в углу, Сафронов хмуро наблюдал за происходящим. Ситуация, в которой он вдруг оказался, угнетала его.

Выпроводив женщин из избы, унтер-офицер закрыл дверь и лихо, по-молодецки, развернулся на каблуках.

– Приказ исполнен, ваше благородие! – доложил он.

– А теперь заткнись и жди другого, – не удостоив его взглядом, сказал поручик. – А я пока со стариком тут потолкую, уж очень мне его морда не нравится.

Внутренне содрогнувшийся Андрон внешне оставался совершенно спокоен.

– Осмелюсь заметить, господин поручик, я не старик, а кормчий на корабле, на палубе которого вы сейчас стоите, – вкрадчиво произнес он.

– Кто-о-о? – удивился поручик. – Я ещё не ослеп и вижу перед собой в этой вонючей смрадной избе не моряка бывалого, а старого кретина. Ты кем себя вообразил?

– Гм-м-м... Ваше благородие, этот хлыст Андрон кормчим себя выставляет потому, что по вере своей паскудной они, христоверы, секту свою «кораблём» называют, а верховодит «посудиной» «кормчий», – уточнил унтер-офицер.

– Раз ты «кормчий», – глядя на старца, ухмыльнулся поручик, – тогда ответь мне, в каком трюме ты прячешь государственного преступника и дезертира Евстигнея Крапивина?

У Андрона вытянулось лицо. Недоумевая, он покосился на своих adeптов.

– Понятно, своего выдавать не хотите, – сделал заключение поручик. – Ну ничего, мы сейчас сами его поищем. Всю вашу «посудину» перевернём вверх дном, но найдём. Крапивин в Самаре должен быть только у вас и нигде больше.

– Так нет его у нас, господин офицер, – забеспокоился Андрон. – Как прошлый год в солдаты забрали, мы больше и не видали его.

– А это мы сейчас проверим, – многообещающе ухмыльнулся поручик и протянул старцу вчетверо сложенный лист.

– Что это? – округлил глаза Андрон.

– Читай, – хмыкнул поручик. – Эта бумага даёт нам право на обыск в твоём курятнике.

Андрон развернул документ и начал читать. От терзающего душу волнения дрожали руки и строчки прыгали перед глазами. Он пытался сосредоточиться, но так и не смог разобрать ни слова.

Поручику надоело ждать.

– Пока ты читаешь, мы, пожалуй, начнём трясти твой «корабль», «кормчий», – сказал он язвительно. – У меня нет желания торчать до утра в этом клоповнике.

* * *

Воспользовавшись тем, что жандармы не обращают на него внимания, Сафронов вышел на крыльцо и осмотрелся. Несколько солдат охраняли толпящихся у ворот женщин, вокруг дома мелькали огоньки фонарей.

– Чёрт возьми, я в окружении, – тихо прошептал он. – Хочешь не хочешь, а придётся сдаваться.

Мысль о том, что он подвергнется унижительному допросу, покорила Сафронова. Если его приключение в молельном доме хлыстов станет достоянием общественности...

«Надо бежать! – подумал купец. – Тихо пробраться в соседний дом и там затаиться до конца облавы!» Сбегая с крыльца, он едва не сбил с ног девушку, которая поднималась ему навстречу.

– О Хосподи, барин! – всплеснула руками та. – А меня сестра прислала подсобить тебе спрятаться.

Сафронов, озираясь:

– Спасибо, душа добрая, води меня побыстрее отсель куда-нибудь.

– Ступай за мной, – прошептала девушка, – я запру тебя в сарае.

Сафронов спешно пошел за ней, но на половине пути остановился.

– Не надо нам там прятаться, – засомневался он. – Сарай тоже обыскать могут.

– Ну тогда в баню? – предложила девушка.

– И в баню заглянут, ежели двор обыскивать начнут.

– Ну тогда на сеновал?

– Полезут и туда. Всё сено перетрусят и палашами перetyкают.

Девушка растерянно развела руками:

– Хосподи милостивый, ну куда же тебя деть-то, барин? Ты ведь не горошина, в карман не сунешь.

Сафронов озабоченно кивнул в сторону соседнего дома:

– А в той развалюхе спрятаться можно?

– А кто его знает, – прошептала девушка. – Только там прятаться негде, пустой он.

– Давай бежим к нему, – оживился купец. – А там посмотрим, можно ли где укрыться.

* * *

Жандармы тщательно обыскали молельный дом от подпола до крыши, но ничего не нашли. Поручик с пасмурным видом вышел на крыльцо и посмотрел в сторону соседнего дома.

– Семечкин, вон туда переходим, – сказал он унтер-офицеру. – Старика берём с собой, пусть поприсутствует.

– А тех хлыстов, что в избе, допрашивать будем?

– Будем, но не сейчас, – вздохнул поручик. – Для нас важнее всего преступника найти. Уйдёт, подлюга, под покровом ночи, а потом его ищи-свищи...

Втроем они пошли через погружённый в темноту двор.

* * *

Сафронов и девушка, перебравшись через просевший плетень на участок соседнего дома, присели на корточки и затаились.

– Чёрт, и здесь полно жандармов, – с досадой высказался Сафронов. – Ничего не остаётся, как положиться на удачу и бежать сломя голову, куда глаза глядят.

– О Господи, не поминайте при мне нечистого, – прошептала взволнованно девушка. – Очень прошу тебя, барин!

– Не подумавши ляпнул, – прошептал Сафронов. – От такой оказии настроение никудышное. Впервые в жизни себя уголовником чувствую.

– А жандармы что, разве не за тобой пришли? – удивилась девушка.

– Если бы за мной, то я уже в телеге бы сидел, кандалами скованный, – невесело ухмыльнулся Сафронов. – Нет, они за кем-то другим пришли, а мне нет надобности на глаза им попадаться.

– А мы с сестрой подумали, что за тобой. Старец наш, Андрон, с властями в ладу живёт. Он сам нам об этом сказывал.

– Я краем уха слышал, что они дезертира какого-то ищут, – вздохнул Сафронов. – Говорили, Евстигнеем его зовут. Ещё жандармы уверяли старца, что он из ваших, из хлыстов.

Выслушав его, девушка занервничала и засобиралась уходить. Сафронов же заметил приставленную к дому лестницу и пополз к ней.

– Барин, куда ты? – прошептала девушка. – А вдруг жандармы сюда сунутся? Они вон с фонарями по всему двору ходят.

– Куда ведёт эта лестница? – хрипло спросил Сафронов, остановившись. – Уж не в царство ли небесное?

– На чердак, – ответила девушка. – Там у нас веники для бани заготовлены, грибы сушатся и травы лекарственные, богородицей Агафьей собранные.

– Тогда мне туда, – взобрался вверх Сафронов. – Там я тихо посижу до конца облавы. Эй, как там тебя? – тихо позвал он девушку. – Ты ещё здесь?

– Марией меня зовут, – сказала она, привставая с земли.

– Лестницу куда-нибудь убери и уходи отсюда. Дальше будь что будет, а ты не возвращайся.

«Ну, всё, остаётся только забиться в дальний уголок и затаиться, – подумал с облегчением Сафронов. – И ещё...» Тупая боль в затылке разом освободила купца от всех мыслей. С протяжным стоном он ничком свалился на валики душистой травы и лишился сознания.

* * *

Поручик и старец Андрон стояли у крыльца соседнего дома.

– Темнота хоть глаз выколи, – с досадой высказался поручик. – Ни луны, ни звёздочки на небе!

Старец вздохнул, развёл руками и усмехнулся:

– Видать, не в добрый час вы к нам приехали, господин поручик. Может, скажете, чем провинились мы, люди тихие и всему покорные?

– В том, что преступника опасного укрываете, – не оборачиваясь, ответил поручик. – Скажи, где он, и всё закончится.

– Дык кабы знать, – вздохнул Андрон. – Он ведь как ушёл на фронт, так и сгинул. Ни весточки, ни похоронки... Евдокия, супружница его духовная, вон почитай каждый день на почту ходит и ничего.

– А нам другое известно, – обернулся поручик. – В Самаре дезертир Крапивин. А прятаться он может только у вас, так что...

Из дома вышел унтер-офицер и спешно доложил:

– Весь дом осмотрели, господин поручик, и ничего. Там пусто внутри, даже притулиться негде.

Теряя терпение, поручик развернулся и схватил Андрона за грудки.

– Где прячется Крапивин, старикашка? Будешь молчать, арестую тебя вместо него. А на допросе ты мне во всём сознаешься, даже в том, что ты сам Сатана. Ты слышишь меня?

– Слышу, не глухой я, – огрызнулся Андрон. – Только напрасно вы меня эдак трясёте. Я не копилка и деньги из меня не вытрясешь.

– Молчать! Не оговариваться, мразь сектантская! – закричал в ярости поручик. – Ответь, где Крапивин, куда ты заныкал его, чёрт безрогий?!

– Я уже сказал, где он, – огрызнулся Андрон. – Как забрали Евстигнея в солдаты, так больше мы его и не видели.

– Ах, так...

Левой рукой поручик схватил старца за бороду, а правой замахнулся для удара. И в это время унтер-офицер покашливанием остановил его.

– Чего тебе, Семечкин? – опустил руку поручик.

– Мы чердак ещё не проверили в этой избе, ваше благородие, – сказал унтер-офицер. – Может, там злодей прячется?

– А ты что, не знаешь, что делать, Семечкин? – отпуская Андрона, набросился на него взбешенный поручик. – Или прикажешь мне на чердак лезть? А ну вперёд, бездельник. Преступника отыщешь, поощрение получишь, марш наверх!

* * *

Первым на чердак забрался унтер-офицер. Всюду на верёвках развешены банные веники: дубовые, берёзовые, хвойные... Раздвигая их, с револьвером в руке Семечкин двинулся в глубь чердака. В углу, на большой куче сена, лежал человек.

– Андрей Михайлович, я нашёл его! – крикнул унтер-офицер, обернувшись.

С улицы послышался голос поручика:

– Как он там, Семечкин, сопротивления не оказывает?

– Отнюдь, – трогая спящего стволом револьвера, откликнулся унтер-офицер. – Дрыхнет тут, как младенец!

– А что так? – удивился поручик.

– Пьян, наверное.

– А мне вот тут старец подсказывает, что хлысты спиртное не пьют, – усомнился поручик.

– Не пьют те, кто на фронте не бывал, – усмехнулся Семечкин. – А там со всех сектантов их вера, как паутина с глаз, слетает.

– Хорошо, держи его на мушке, Семечкин! – распорядился поручик. – Если вдруг взбрыкнёт ненароком, то стреляй. Этот чёрт палёный, как в розыском повелении подчёркнуто, крайне опасен, а мне он живой нужен!

* * *

Как только жандармы с бесчувственным телом спустились с чердака, из-под вороха сена выбрался человек. Бесшумно, на четвереньках, он метнулся к выходу и замер, обратившись в слух.

* * *

Поручик склонился над телом.

– Эй, кто-нибудь, посветите мне? – потребовал он.

Два жандарма поднесли фонари к лицу снятого с чердака человека, и поручик, присев рядом, внимательно начал разглядывать его.

– Семечкин, кто это? Этот урод совсем не тот, кого мы ищем.

Унтер-офицер Семечкин присел с ним рядом и, шмыгая носом, сказал:

– Похоже, не тот, ваше благородие. Тогда кто? Чего он на чердаке от людей хоронится?

– У того, кого мы ищем, вся морда, всё тело обожженное, – гневно высказался поручик. – Он на головешку обгорелую должен быть похож. А этот... Кто этот мерзавец? Почему он прячется на чердаке, нам теперь тоже предстоит выяснить.

– Это не с нашего корабля голубь, – заметил подошедший Андрон. – Я его впервые вижу.

– Ну ничего, в себя придёт, дознаемся, кто он есть, – вздохнул озадаченно поручик. – Искали беглого уголовника, а нашли сами не знаем кого. – Он повернул голову в сторону унтер-офицера: – Семечкин, а ты хорошо чердак просмотрел?

– Обижаете, ваше благородие, – помрачнел унтер-офицер. – Не верите мне, ещё кого-нибудь пошлите.

– Да верю я тебе, – вздохнул поручик. – Однако что же получается? Этот жив и без сознания? На затылке шишка величиной с кулак. Тогда следует полагать, что на чердаке был кто-то ещё, который оглушил этого, а сам...

Он поднялся, одёрнул китель и обратился к подчинённым:

– Бочкин, Савельев, живо на чердак! Осмотрите там всё тщательно. Тот, кто оглушил этого, должен быть там, если улизнуть не успел и мы его не проворонили!

Жандармы направились к лестнице, и в это время с улицы послышались трели свистков и выстрелы.

– А вот и он – тот, кто нам нужен! – оживился поручик. – Хотел незаметно удрать, да не тут-то было!

– Так точно, ваше благородие! – рявкнул унтер-офицер Семечкин. – Как прикажете поступить?

– Бочкин и Савельев, берите этого «бессознательного» и волоките к телеге, – распорядился поручик. – Рядом с ним и оставайтесь, глаз с него не спускать!

Вытянув из кобуры револьвер, он побежал в сторону ворот, попутно выкрикивая команды:

– Все остальные за мной! Приказываю особо – преступника брать только живым, можно раненым, но не смертельно!

* * *

Как только жандармы покинули двор, мужчина на чердаке облегчённо вздохнул и опустил руку с револьвером. Вытащив из-под вороха сена два чемодана, он скатил их по лестнице на землю. Спустившись сам, заткнул револьвер за пояс, подхватил ношу и растворился в темноте.

5

Заслышав крики, выстрелы и трели свистков, охранявшие во дворе женщин жандармы, оставив их «без присмотра», выбежали на улицу.

Из темноты появился старец Андрон.

– Ступайте все на корабль, голубки мои сизокрылые. Кажись, вороги оставили нас в покое.

Сказав своё слово, старец повернулся и не спеша направился в сторону крыльца. Привыкшие беспрекословно ему подчиняться женщины молча двинулись следом.

Евдокия Крапивина пошла вместе со всеми. Неожиданно появившаяся рядом сестра Мария схватила её за руку.

– Давай отойдём, сестрица. В избу мы ещё успеем.

– У тебя всё получилось, Маша? – озираясь, спросила Евдокия.

– Да, я спрятала его от жандармов, – кивнув на соседний дом, ответила Мария. – Но разве купцу угрожала какая-то опасность?

Евдокия пожала плечами:

– Когда в избу вошли жандармы, я видела, что он изо всех сил старается не попадаться им на глаза.

– Это тот самый барин, который на базаре приставал к тебе? – догадалась Мария. – Ты мне о нём рассказывала?

– Да... – прошептала Евдокия.

– Ты что, с ума сошла, сестра? – ужаснулась Мария. – Выбрось все эти мысли из головы! У тебя муж на войне, и не пристало хвостом вертеть направо и налево!

– Я только о нём и думаю, о Евстигнее своём сгинувшем, – всхлипнула Евдокия. – Уже год как ушёл и ни одной весточки о себе не шлёт. Как корова языком слизала.

– Так мало ли чего? – зашептала Мария укоризненно. – Что там, на войне, ни ты, ни я не знаем. Ты вот мыслишь, что убили его австрияки, а может, жив он? В госпитале раны лечит или в плену мается...

– А мне-то как? – шмыгая носом, прошептала Евдокия. – Твой Никодим вон хоть и слеп глазами, зато жив. А я... Даже не знаю, как называться теперь, вдовой или ещё кем?

– А ты терпи и жди, а не купцов к себе приваживай, – проговорила Мария. – Если бы мне эдакое испытание выпало, не приведи Хосподи, я бы смирилась и не сетовала.

Сёстры молча смотрели на соседний дом. Происшедший разговор тяжким грузом давил на обеих. Первой не выдержала Мария. Она обняла тихо плачущую сестру и прижала к себе.

– А что ты о барине том озаботилась, Евдоха? – спросила она. – Ни умом, ни красотой не блещет.

– Стыдно говорить, сестра, но его выходка на базаре обожгла и встряхнула меня, – всхлипнув, поведала Евдокия. – Почувствовала я вдруг, что не хочу больше одна жить, хочу любить и быть любимой.

– А ты подумала, что нужна ты барину, как кобыле пятая нога? – хмыкнула Мария. – Он ведь чего пришёл: чтобы после радения в свальном грехе тобой овладеть. Даже в белую рубаху, как и мы, вырядился.

– Ты бы видела его глаза, Маша, – залилась слезами Евдокия. – Они теперь неотступно со мной. Голубые, бездонные, они смеялись, когда говорил он мне слова нежные.

– А у Евстигнея глаза какие? – едко поинтересовалась Мария. – Раскосые или узкие, как у киргиза?

– В его глазах я только печаль всегда видела, – посетовала Евдокия. – И взгляд его не теребил, не обжигал мою душу, не заставлял опускать головушку. А этот... Его глаза так и стоят передо мной, и от того моё бедное сердечко внутри трепещет.

– А ты знаешь, за кем приходили жандармы? – сменила тему Мария.

– Понятия не имею, – шмыгнув носом, ответила Евдокия. – Слышала я, как они говорили, будто преступника опасного ищут.

– Барин твой назвал мне имя преступника того, – хмыкнула Мария. – Удивилась я так, что на ноженьках едва устояла.

– Да? – заинтересовалась Евдокия. – И кто же он?

Мария не успела ответить. Из молельного дома стали выходить хлысты.

– Всё, как разойдутся люди, и нам на покой пора, – прошептала Мария. – О чём не договорили, завтра покалякаем.

– А жандармы? – вдруг вспомнила Евдокия. – Они что, больше не вернутся?

– Старец сказал «нет», – беря её за руку, сказала Мария. – И пусть у тебя голова об этом не болит, сестра. Страшное уже позади, жандармы сделали своё дело и уехали.

Провожать своих «голубей» на крыльцо вышел сам старец. Увидев сестёр, он укоризненно покачал головой.

– А вы чего здесь шепчетесь, сороки? – заговорил он строго. – Вам что, тошно было вместе со всеми выслушать прощальное слово моё?

С опущенными головами ни живые ни мёртвые девушки взбежали на крыльцо и замерли перед Андроном.

– Ступайте в избу и спать, болтушки! – «повелел» старец. – Не то закрою дверь на запор и будете на крыльце дрыхнуть! Следующий раз эдак и поступлю, как молвлю, чтоб неповадно было!

6

Самарское губернское жандармское управление располагалось в центре города, на пересечении Саратовской и Алексеевской улиц.

Поручик Шелестов, сидя за столом, перебирает разложенные на столе документы и словно не замечает стоящего перед ним купца Сафронова. Тот топчется на месте и украдкой осматривается. Рабочий стол, пара стульев для посетителей, шкаф, сейф – вот и вся обстановка кабинета.

Сафронов морщится, у него сильно болит голова и тяготит затягивающееся молчание. Проведя по лицу ладонями, он вздыхает и обращается к поручику:

– Ваше благородие, почему я здесь? Это какое-то недоразумение.

Поручик поднимает на него взгляд и сводит к переносице брови:

– Потрудишься заткнуться и не мешай мне работать.

Сафронов морщится:

– Но, простите, я...

– Если ещё раз вякнешь без дозволения, получишь в рыло, – перебивая его, предупредил поручик.

Некоторое время он с ухмылкой наблюдает за реакцией Сафронова на свои слова и словно нехотя начинает допрос.

– Следует полагать, ты купец Сафронов Иван Ильич, родом из Тамбова, проживаешь и ведёшь торговлю здесь, в Самаре?

– Так и есть, господин поручик, в самое яблочко, – морщась от очередного приступа головной боли, ответил Сафронов.

– Тогда скажи мне, купец Сафронов, какого хрена ты околачивался в Зубчаниновке, в молебном доме хлыстов?

Сафронов (skonфуженно):

– Да это я так, из любопытства, ваше благородие.

– Вот как? – удивился поручик. – А что может быть интересного в том сектантском гадюшнике?

– Так поют они хорошо, душевно, – уводя глаза в сторону, солгал Сафронов. – И пляшут они забавно, так я слышал, только вот посмотреть не успел. Вы, своим появлением, положили конец их радениям.

Поручик встал из-за стола, закурил и отошел к окну.

– А от нас почему прятался? – не оборачиваясь, поинтересовался он. – Почему не подошёл ко мне и не представился?

– И сам не знаю почему, – вздохнул Сафронов. – Думал, что моё задержание в компании хлыстов больно ударит по деловой репутации.

– А не брешешь ли ты, купец, как сивый мерин? – ухмыльнулся поручик. – Если ты рисковал своей репутацией, значит, не просто так к хлыстам пришел.

Сафронов молча кивнул.

– Правильно понимаешь, Иван Ильич, правильно, – с иронией продолжил поручик. – У нас не так много времени, чтобы растрачивать его по пустякам.

Сафронов сжался под его пристальным взглядом и опустил голову.

– Вот мы пришли к хлыстам, чтобы задержать опасного преступника, – продолжил поручик. – Ты не догадываешься, о ком я веду речь?

– Да, я слышал краем уха, что вы интересовались каким-то Евстигнеем, – промямлил Сафронов, изнывая от плохого предчувствия.

– Не каким-то, а особо опасным государственным преступником, – подчеркнул назидательно поручик. – Полиция занимается разного пошиба уголовниками, а мы, жандармерия, только очень опасными преступниками.

– А хлысты здесь при чём? – уныло поинтересовался Сафронов. – Всем известно, что христоверы – тихие богобоязненные люди.

Поручик подался вперёд и как жалом пронзил взглядом Сафронова.

– А ещё всем известно, что они восхитительно поют, задорно выплясывают и азартно занимаются свальным грехом, – не удержался от едкой подковырки поручик. – Ты слышал о такой забаве хлыстов, как свальный грех, Иван Ильич?

Сафронов занервничал. Боль в голове усилилась, задрожали руки, и пересохло во рту. Кончиком языка он облизал пересохшие губы и прерывисто вздохнул. От внимательно наблюдавшего за ним поручика не укрылось волнение купца.

– Ай-я-яй, Иван Ильич, – ослабил поручик, – женатый человек, с незапятнанной репутацией в купеческой среде, а сам... Тебе что, городских проституток не хватает? А может быть, ты тоже состоишь в секте? А? Или только для свального греха к ним являешься?

Сафронов ошеломлён, подавлен и едва держится на ногах.

– Господин поручик... Ваше благородие... – прошептал он и замолчал, будучи не в силах выговорить фразы.

– И всё-таки, Иван Ильич, будь честен со мной? – презрительно морщась, усиливал натиск поручик. – Допустим, свальный грех можно исключить, у тебя достаточно денег прикупить в свою постель хоть десяток девок. Но для чего-то ты всё-таки к хлыстам пришёл? Как объяснить твой поступок, Иван Ильич?

– Н-не п-понимаю, о-чём в-вы... – с трудом проглотив наполнившую рот вязкую слюну, выдал Сафронов.

– Хорошо, если не понимаешь, то сейчас поймёшь, – многозначительно пообещал поручик. – Ты пришёл к хлыстам не песни их слушать и не плясками любоваться. Ты пришёл, чтобы встретиться с Евстигнеем Крапивинным, дезертиром и убийцей, так ведь?

Сафронова затрясло. Спазмы сдавили горло, и он едва не задохнулся от приступа кашля. Слова жандарма прозвучали для него как приговор.

– Нет-нет, это не так, господин поручик? – пролепетал он дрожащим голосом. – Ну что у меня может быть общего с этим... гм-м-м... С этим дезертиром?

– А я полагаю, что какая-то договорённость у тебя с ним есть, – настаивал на своём поручик. – Признаюсь, пока не знаю какая. Но я убеждён, что мы поладим и ты сам, добровольно, откроешь мне глаза на всё.

Сафронов покачнулся и с трудом удержался на ногах. Каждое произносимое жандармом слово, как кувалдой, било его по голове.

– Богом клянусь, что ни в чём я не виновен, господин поручик! – взмолился он. – Я знать не знаю этого преступника и ведать не ведаю, где он!

Поручик, не спуская с него пристального взгляда, взял со стола пачку папирос и закурил.

– А я вот думаю иначе, купец Сафронов, – выпуская в потолок струю дыма, сказал он. – Ты пришёл в молельный дом, чтобы встретиться с Крапивинным и забрать у него деньги. Большие деньги, хочу заметить, господин купец.

– Какие ещё деньги? – едва дыша, хрипит Сафронов. – Откуда у хлыстов большие деньги, господин офицер? Вы же сами видели, как живут эти голодранцы. Даже в их избе молельной хоть шаром покати!

– У тех, где мы побывали, вполне может быть, – давя в пепельнице окурков, хмыкнул поручик. – Сектанты не любят выставлять напоказ свои богатства. А разыскиваемый нами Евстигней Крапивин убил несколько военных, похитил у них два миллиона государственных денег и ушёл.

– А я? Я-то здесь при чём? – воскликнул переполненный отчаянием Сафронов. – Почему вы считаете, что я каким-то припёком связан с этим убийцей?

– А я скажу каким, – усмехнулся поручик. – Ты только слушай.

Он снова прошёлся по кабинету.

– Крапивин хоть и стал обладателем огромного богатства, но не в состоянии им распорядиться, – продолжил поручик. – Почему? А потому, что он безграмотен и не имеет связей.

Шелестов развернулся от двери, подошёл вплотную к едва живому от страха подозреваемому и пристально посмотрел ему в глаза.

– А я-то здесь при чём? – простонал Сафронов. – У меня своих денег достаточно.

– А у купцов никогда денег не бывает достаточно, – процедил сквозь зубы поручик. – Они потому и купцы, что только и думают, как бы побольше заработать.

– Скажи, сколько заплатить, чтобы избавиться от кутерьмы этой? – тяжело дыша, прошептал Сафронов. – Говори, сколько, я ничего не пожалею.

Выслушав такое неожиданное предложение, поручик на мгновение растерялся. Затем его глаза сузились, и он, сжав плотно губы, покачал перед носом Сафронова указательным пальцем.

– Купить меня вздумал, подлюга? – процедил Шелестов сквозь зубы. – Считаешь, что я сволочь продажная и сейчас, в этом кабинете, вымогаю из тебя мзду?

– Да нет же, нет! – в отчаянии воскликнул Сафронов. – Просто в замешательстве я и не знаю, что делать.

– Скажи мне правду о своей договорённости с Крапивиним, и я тебе помогу, – пообещал поручик.

– Но как я скажу, если не было этого? – умоляюще произнес Сафронов. – Зачем вам понадобилось, чтобы я оговорил себя, ваше благородие?

Поручик поморщился и снова подошел к окну.

– Ступай, Иван Ильич, и хорошо подумай над моими вопросами. Завтра мы снова встретимся и поговорим, не возражаешь?

Сафронов облегчённо вздохнул, смахнул с лица пот ладонями и поспешил к двери. Но поручик остановил его резким окриком:

– Стоять, купец! Я тебя никуда не отпустил! Думать ты будешь не дома, а в тюремной камере. У закрытых под замок упрямцев голова становится светлее и мозги ворочаются лучше.

С помощью колокольчика он вызвал конвойного, который вывел в коридор окончательно павшего духом купца.

7

Сумрачно и тихо в молельном доме хлыстов. Пока сестра была чем-то занята на улице, предоставленная самой себе Евдокия решила посвятить время своей душевной «успеде». Поборов терзавшие ее сомнения, она поставила на стол маленькую иконку с образом Николая Чудотворца и трижды перекрестилась.

– Господи, прости и помилуй меня, дуру грешную, неразумную, – шепчет она. – Не по своей воле я ушла в общину христоверов, муж настоял, Господи. Но в душе я сохранила веру в тебя, Владыка Небесный! Евстигней привёл меня к хлыстам, а сам на фронт ушёл, там и сгинул. А я... Я, истинно православная христианка, вот здесь и осталась. А куда мне деваться, Господи? Родители, как от чумной, шарахаются, на порог не пускают и винят меня в том, будто сестру, Марию, я тоже к хлыстам сманила...

Евдокия смотрит на образ как на живого человека, который внимательно слушает её и всё понимает.

– Господи, как быть дальше, не знаю я? – зашептала она, вытирая рукавом увлажнившие глаза слёзы. – Будто в болоте сижу по самое горло и выбраться никак не могу. Старец Андрон такие проповеди вещает, аж заслушаешься, но душа... Как ложусь спать, уснуть долго не могу. Всё о тебе думаю, Господи!

Прочитав несколько коротких молитв и облегчив таким образом душу, Евдокия неистово крестится, трижды кланяется иконе и убирает её со стола. Она вздрагивает, увидев сестру Марию, стоящую у порога и смотрящую на неё полным осуждения взглядом.

– Ты опять за своё, Евдоха? – хмуря лоб, сказала Мария. – То в церковь тайком бегаешь, то в избе иконам молишься? Ты что, разве не знаешь, что с тобой станет, ежели старец или богородица застанут тебя за этим непотребным занятием?

– Ты что это, Маша, подсматривать да подслушивать за мной вздумала? – смущённо пролепетала Евдокия.

– Вот ещё, была нужда великая, – беззлобно огрызнулась Мария. – Поговорить с тобой я зашла, вижу, ты поклоны отвешиваешь. Вот стояла и ждала, когда блажь с тебя схлынет. Намолилась, что ли? А если бы не я, а кто-то другой в горницу заглянул?

Она подошла к смущённой сестре и обняла её.

– Евдоха, выбрось всю дурь из головы, – шепчет Мария, поглаживая плачущую Евдокию по голове. – Ты же христоверка теперь, голубка сизокрылая, али запаматовала?

– Нет, помню я, – всхлипнула Евдокия. – Но и от веры православной отречься сил не нахожу.

– А я как-то пообвыкла и веру новую всем сердцем приняла, – вздохнула Мария.

– Ты приняла, а я вот не могу никак, – шмыгая носом, посетовала Евдокия. – Всё чуждо мне здесь. Гляжу, как другие люди живут, православные, и по жизни той, как очумелая, тоскую.

– Ты что, ошалела, что ль, овечка полоумная? – рассердилась сестра. – Христа православного, видишь ли, забыть она не может? А есть ли он там, на небесах, али нет его, ты задумывалась?

– Есть, я знаю, – ответила Евдокия, отстраняясь от неё.

– И что он там делает? – едко поинтересовалась Мария. – Ежели он есть, то должен не за облачками таяться, а людям подсоблять.

– Не надо, не богохульствуй, сестра, – строго сказала Евдокия. – Место для Господа что ни на есть на небесах. Он Бог, Царь Небесный! А Андрон проповедует, что Христос в людей вселяется и живёт среди христоверов. Мыслимо ли такое, Маша?

– И не знаю даже, что сказать тебе, – раздражённо отозвалась сестра. – В кого ты уродилась такая? Всё тебя не туда, куда надо, клонит. Как ты не уразумеешь, что не православная

теперь? Хочешь молиться тайком доскам деревянным, молись, я даже на то соглашусь. А вот голову не теряй и ведай себя осторожно, сестрица.

– Сегодня день такой, для меня памятный, – уныло вздохнула Евдокия. – Ровно год назад мой Евстигнеюшка с германцами и австрияками воевать ушёл. – Она вытерла платочком выступившие на глаза слёзы. – Ушёл и сгинул... Жив ли он теперь?

– Вот для того и пришла я, чтобы сказать, что жив, – глянув на дверь, перешла на шёпот Мария.

– А ты откель про то знаешь? – удивилась и ужаснулась одновременно Евдокия. – Сорока на хвосте принесла весть эдакую?

– Я тебе ещё давеча сказать собиралась, да не успела, – косясь на дверь, прошептала Мария. – Старец нас ночевать в избу загнал, а вот нынче...

– Да не тяни ты козла за рога, сестрица? – нетерпеливо перебила её Евдокия.

– В избу нашу жандармы не за барином пожаловали и не за кем-то из нас, – шёпотом продолжила Мария. – В самый раз они за Евстигнеем твоим заявили.

– Да будя тебе молоть что ни попадя, – разочарованно поморщилась Евдокия. – Какой сплетник тебе такую чепуху поведал?

– Не жандармы, не думай, – горячо зашептала сестра. – Барин твой мне о том рассказал. Он сам слышал, когда жандармы про Евстигнеев старцу вопросы задавали.

– И что делать мне теперь, горемычной? – ужаснулась Евдокия, поверив ей. – Как удостовериться в том, правда весть об Евстигнее или нет?

– А тебе то надо? – хмыкнула Мария. – Ежели не убили на фронте и жив он, то тебе-то какая польза с того?

– Как это какая? Он же муж мой! – возмутилась Евдокия.

– Раз его ищут, знать на каторгу упекут, – рассудила Мария. – И надолго. Такие вот мысли мои. И спроси-ка ты себя, сестрица, а была ли ты замужем за Евстигнеем?

– Уже и сама сомневаюсь в том, – вздохнула Евдокия. – Мы с Евстигнеем в церкви венчаны, потом он меня сюда, к христоверам, привёл. А здесь проповедуют отказ от жизни брачной, Хосподом Богом на небесах благословлённой...

– В том и есть отрада, сестра, – вздохнула Мария. – Андрон, старец наш, чего говорит в проповедях своих? Цель человека состоит в том, чтобы освободить свою душу от власти тела, унять в себе желания и потребности. Добившись полного бесстрастия, «умереть плотью», чтобы «воскреснуть духом»...

* * *

Оказавшись в заточении, Сафронов окончательно пал духом. В отчаянии он метался по камере, мешая сокамернику спать.

– Чего тебе не спится, морда протокольная?

Сафронов остановился и с ненавистью взглянул на соседа.

– А кто ты такой, чтобы задавать мне вопросы? – истерично выкрикнул он. – Я тебя не трогаю, и ты, будь добр, не цепляй меня. Иначе я сам не знаю, что с тобой сделаю!

– Ух ты! Вот это выпад?! – удивился сокамерник. – Да ты что, с ума трёкнулся? Меня, Сеню Кручёного, вся Самара знает, и воры блатные, и товарищи политические, а ты...

– Твоё имя мне ничего не говорит! – оборвал его на полуслове Сафронов. – Если тебя знают все в Самаре, то пусть я буду единственным, кто не знает и знать не желает!

Сокамерник неожиданно смягчился.

– Ладно, я понимаю тебя, а потому прощаю, – заговорил он примирительно. – Видать, здорово тебя на допросе потрепали, что из седла вышибли.

– Прощаешь не прощаешь, мне всё одно не легче, – обхватив голову руками, огрызнулся Сафронов. – Моя жизнь закончена! Я унижен, растоптан, раздавлен и разорён!..

– Эй, слушай, да чего ты завёлся? – прикрикнул на него сокамерник. – Ты так скулишь, будто мир рухнул и провалился в тартары. Могу совет дать полезный, если пожелаешь... Кстати, а ты кто будешь?

– Кто-кто, да никто я теперь, – уныло посетовал Сафронов. – Был я человеком значимым, небедным, а теперь... Всё пошло прахом – имя, положение, всё... Всё к чертям собачьим!

Он снова обхватил голову руками и затрясся в рыданиях. Сокамерник некоторое время молча наблюдал за ним, а затем...

– Э-эх, горемыка, – заговорил он, сочувственно вздыхая. – Слушай меня, сидельца бывалого, и на ус мотай. Обскажи, что с тобой стряслось, по порядку, по полочкам. Я тебя выслушаю и совет дам достойный. Ты вот впервой за решётку попал, а у меня в этом деле багаж немереный...

8

Поручик Шелестов, вольготно развалившись за столом, внимательно слушал осведомителя.

– Он наизнанку передо мной всю свою душу вывернул, ваше благородие, – самодовольно ухмыльнулся осведомитель, заканчивая. – Всё рассказал, ничего не утаил.

– Он не переиграл тебя, Кручёный? – усомнился поручик.

– Кого? Меня? – осклабился тот. – Да он щенок передо мной полный! Сначала всё ходил-ходил туда-сюда по камере, переживал шибко, маялся, места себе не находил. Я нащупал его слабую струнку и легонько по ней тренькнул.

– А точнее? – заинтересовался поручик.

– А я таким сознательным «народным мстителем»-народовольцем прикинулся, – осклабился Кручёный. – Про борьбу всякую с самодержавием ему втирал. А он повёлся и заговорил безудержно. Только слушай и запоминай.

– Понятно, ты его расколол по полной, – хмыкнул поручик. – И? Чего ещё он наговорил тебе такого, чем ты собираешься меня удивить?

– Кабы знать, что вас интересует, ваше благородие, – пожимая плечами, вздохнул Кручёный. – Подсаживая меня к нему в камеру, вы дали задание выведать у него всё. А вот что именно, не указали. Я и слушал всё, что он выбалтывал своим помелом неуёмным, и на ус мотал.

– Итак, – вздохнул поручик, – начнём с того, что Сафронов сообщил тебе, что он купец.

– Да, и не последний в городе, – кивнул утвердительно Кручёный.

– А в том, что он сектант-христовер, Сафронов признался?

– Нет, православный он, – усмехнулся осведомитель. – И до девок охоч. К хлыстам он не делишки обдeldывать пожаловал, а бабёнкой полюбоваться. Уж очень она запала на душу его похотливую.

– И что, из-за какой-то бабёнки он приехал в Зубчаниновку на радения хлыстов?

– Так всё и было, – хмыкнул Кручёный. – Заприметил купец красотку одну и воспылал к ней страстью безудержной. А она сектанткой оказалась. Вот он и явился, чтобы ею полюбоваться, а заодно и на радения поглядеть.

– И что, это всё, что тебе удалось из него вытянуть? – поморщился поручик.

– Это всё, – вздохнул Кручёный. – Он же всё больше о жене своей рассказывал, о делах своих купеческих. Если бы он что-то утаить пытался, я непременно заприметил бы, не сомневайтесь, господин поручик.

– Что ж, если всё было так, как он тебе рассказал, то надо подумать, как дальше использовать этого недотёпу, – задумчиво проговорил поручик. – Отпущу-ка я его сейчас домой и занесу в свой список «чёрный».

– К вам только попади на крючок, – усмехнулся Кручёный, – век с него не соскочишь, по себе знаю.

Поручик язвительно улыбнулся:

– Ты чем-то недоволен? Ты считаешь, что было бы лучше, если б на каторге гнил?

– Вы тогда мне выбора не оставили, ваше благородие, – вздохнул осведомитель. – Вот и пришлось вашим соглядатаем стать.

Ответ осведомителя рассердил поручика.

– Марш в камеру, – распорядился он. – Сегодня к тебе двух политических подсадят. Вот и поработай с ними как следует. Продemonстрируй своё хвалёное мастерство.

* * *

Вернувшись после обеда в кабинет, поручик со скучающим видом уселся за стол. Но стук в дверь заставил его встрепенуться и встряхнуться.

– Кто там? – крикнул он, глядя на дверь и спешно поправляя на себе китель.

Дверь открылась, и заглянул унтер-офицер.

– Арестованный Сафронов доставлен, ваше благородие, – доложил он. – Заводить или обождать в коридоре, как прикажете?

– Что ж, заводи, куда деваться, – вздохнул поручик. – Что-то вы сегодня быстро доставили из тюрьмы арестованного. Обычно дольше копаются...

Опершись локтями в поверхность стола, Шелестов уставился на Сафронова блуждающим взглядом.

– Что-то ты сегодня неважно выглядишь, Иван Ильич? – поинтересовался он едко. – Бледен, взъерошен и совсем не похож на богатого влиятельного господина.

– Я не спал всю ночь, – ответил Сафронов хриплым, сорванным голосом. – Я чуть с ума не сошёл... Я...

Он замолчал, будто подавился, и покачнулся на ногах.

– Проходи, Иван Ильич, присаживайся, – указывая рукой на стул, предложил поручик. – Спать тебе не давали угрызения совести или в тюрьме тебя чем-то обидели?

Сафронов приблизился к столу и уселся на стул. Он боялся смотреть на поручика и со страхом дожидался предстоящего допроса.

– Судя по твоему несчастному виду, ты очень хорошо подумал, Иван Ильич? – обратился к нему поручик. – Ты готов сделать признание?

Сафронов некоторое время молчал, собираясь с мыслями и тяжело вздыхая.

– Я не знаю, что вам от меня надо, ваше благородие, но готов подписать любые «признания», какие вы хотите от меня услышать.

– Вот тебе и на? – разведя руки, усмехнулся поручик. – Ну зачем вы так, Иван Ильич? Мы же люди государственные и не желаем зла своим соотечественникам.

– Я уже слышан, что лучше не спорить с жандармами, соглашаться с ними во всём, – опуская голову, выдал из себя Сафронов. – И перечить вам в чём-то мне не советовали тоже...

– Ну хорошо, тогда скажи мне честно, Иван Ильич, для чего к хлыстам хаживал? – вкрадчиво поинтересовался поручик. – И не юли? И тогда, может быть, я поверю тебе на слово?

Сафронов нервно дёрнулся и обхватил голову руками. Он был готов сказать правду, но что-то удерживало его.

– Иван Ильич, я жду, выкладывай? – подался вперёд поручик.

– Седина в бороду, а бес в ребро, – заговорил Сафронов, вздыхая. – На девку я запал сектантскую. Вот и ходил, чтобы полюбоваться на неё.

– Ну и что, полюбовался? – усмехнулся поручик. – До головной боли посмотрелся на неё?

– Понятия не имею, о чём вы, ваше благородие?

– О том, что очень знать хочется, кто так приголубил тебя чем-то тяжёлым по башке, когда ты от нас на чердаке прятался? – ошарашил поручик. – Кто ещё был с тобой, отвечай?

На лице Сафронова отразилось такое изумление, что поручик даже привстал, глядя на него.

– А меня разве кто-то по голове шарахнул? – прошептал он. – Я помню, как на чердак взбирался по лестнице, и все, провал! Я в себя-то пришёл в телеге вашей, со связанными руками и ногами?

– Хорошо, не помнишь ты этого момента, – сделал вид, что поверил ему, поручик. – Но почему на чердак прятаться полез?

– Так это всё из-за репутации, – вздохнул Сафронов. – Каждый купец дорожит ею. Для купца потеря репутации – гибель.

Поручик с улыбкой расправил плечи. Стряхнув с себя остатки лени и сна, он развлекался допросом недотёпы.

– А теперь слушай меня, Иван Ильич, внимательно слушай, – заговорил он вкрадчиво. – Хочешь, я сохраню твою репутацию и оставлю в тайне то, что произошло с тобой в Зубчаниновке?

Сафронов не ожидал такого поворота дела, и изумление отразилось на его лице.

– Да-да, ты не ослышался, Иван Ильич, – приветливо улыбнулся поручик. – Я берусь сохранить твою репутацию и буду всячески и во всём помогать тебе. Что на это скажешь, купец?

– Я?

Сафронов округлил глаза и, не зная, что ответить, лишь пожал плечами.

– Не за здорово живёшь, конечно, – продолжил поручик. – Я предлагаю сотрудничество для пользы и благополучия нашего государства. Ты согласен с моими доводами, Иван Ильич?

Сафронов потрясён и обескуражен. Заметив, что купец уже готов на всё, лишь бы избежать серьёзных неприятностей, поручик усмехнулся.

– Отныне, если ты по-прежнему хочешь волочиться за девкой-сектанткой, пожалуйста. Если захочешь что-то ещё, и на то моё согласие получишь. Но взамен...

Поручик хитро прищурился и стал похож на крадущегося к курятнику лиса.

– Ты будешь моими ушами и глазами как в секте хлыстов, так и в купеческом обществе. Что скажешь на моё предложение, Иван Ильич? Ты согласен?

– Согласен не согласен, всё одно деваться некуда, – вздохнул Сафронов. – Так где поставить подпись, ваше благородие, или на слово поверите?

Поручик пододвинул к нему чернила, перо и бумагу:

– Купцы всегда говорят правду, и им можно верить на слово. Но в нашей службе ко всему свои требования. А теперь бери перо и бумагу, Иван Ильич. Сейчас мы составим документ, который положит начало нашей вечной дружбе и взаимопониманию.

9

Просёлочная дорога шла из Самары сначала полем, затем краем леса. Шедший по ней человек в солдатской форме выше среднего роста, широкоплеч, и... Голову и лицо солдата скрывали бинты.

Солнце затянули тучи, и духота стояла нестерпимая. Ни птиц, ни мошкары... Всё замерло вокруг в ожидании дождя.

– Эх, до леса бы дошагать и не окочуриться, – шептал под нос солдат, сгибаясь под тяжестью ноши. Два больших кожаных чемодана в руках, вещмешок за плечами и скатка шинели на шее значительно затрудняли передвижение.

Бинты и форма насквозь пропитаны потом. Но солдат не обращал внимания на это неудобство. Свернув с дороги влево, он углубился в лес. Но и среди деревьев не ощущалась желанная свежесть: адская духота царила и здесь. Тогда солдат присел на ствол поваленного весенним наводнением дерева и поставил чемоданы у ног.

– Кажется, где-то здесь, – прошептал он, осматриваясь. – Если я ничего не напутал, то здесь...

Немного отдышавшись, мужчина хотел продолжить свой путь, но, услышав журчание воды, передумал. Спрятав чемоданы за ствол дерева, солдат отправился на поиски реки. Горло пересохло до самых внутренностей, а тело... Оно просто огнём горело под одеждой и требовало освежительной влаги.

Речку он нашёл быстро, но войти в нее решился не сразу. Вода в реке ещё не очистилась после паводка и казалась мутной и коричневой. Но выбирать не приходилось. Желудок горел с такой силой, будто в бушующий пожар подлили масло.

– Э-эх, была не была, – вздохнул солдат, встал на четвереньки у кромки и, опустив голову, коснулся губами воды.

Он пил с жадностью, отрываясь на мгновение, чтобы перевести дух. Попадая внутрь, вода гасила пожар в желудке, но жажда не проходила. Вдоволь напившись, солдат встал на ноги. Ему стало так хорошо, что не хотелось никуда двигаться.

– Нет-нет, не время нежиться, – опомнился он и вскочил на ноги. – Вот-вот дождь пойдёт, а я ещё не сделал того, для чего сюда пожаловал.

Мужчина нехотя вернулся к поваленному дереву, за которым спрятал вещи, и взглянул на небо. Тучи свисали так низко, что казалось, касались верхушек деревьев. Но дождь все не начинался.

Кряхтя и вздыхая, солдат накинуд на плечи вещмешок, надел на шею скатку шинели, взял в руки чемоданы и продолжил путь. Некоторое время он блуждал по лесу, пока не вышел на поляну, на краю которой остановился и осмотрелся.

Вся поляна пестрела поросшими травой холмиками. Солдат поставил чемоданы на землю и вытащил из-за голенища сапога большой, с широким лезвием, нож. Отыскав подходящее место, он принялся копать землю.

Через час мужчина закончил работу и осмотрел выкопанную яму. Удовлетворённо хмыкнув, он опустил чемоданы, засыпал землёй и на образовавшийся холмик положил камень.

– Ну, вот и всё, гора с плеч, – тихо сказал солдат. – Здесь, на скотомогильнике, вас никто и никогда не найдёт. Случится так, что я помру, вы здесь останетесь навсегда. Но я умирать не собираюсь, так что до скорого свиданья...

* * *

Когда на деревню упали первые капли дождя, опрятная старушка вышла из сарая с лукошком яиц в руках и поспешила через двор в сторону дома.

Она остановилась у собачьей будки и с недоумением посмотрела на лающего пса.

– Эй, ты чего это, кобеляка, с цепи рвёшься? Белены, что ли, объелся? – удивилась старушка. – На кого ты лаешь, псина? На дворе, кроме меня, никого нет.

Рыча и царапая лапами землю, пес продолжал грозно лаять в сторону бани на заднем дворе. Вышедший на крыльцо старик пристально посмотрел на собаку, затем перевёл взгляд на старушку.

– Чего орёшь как оглашенная, Марфа? – крикнул он, сводя к переносице брови. – А Лобзарь чего лает? Во двор кто-то зашёл, что ли?

Старушка оборачивается и указывает рукой в сторону бани.

– Кто-то в баню вошёл, Матвей. Собака зря с цепи рваться не будет.

– Ну вот ещё, выдумала, – пробубнил старик. – Да кто в нашу баню войдёт, прежде в избу не постучавшись?

– А что, мало ли бродяг разных по деревням мыкается, Матюша? – вздохнула старушка. – Айда поглядим, кто там? А то сердечко внутри так и прыгает.

Старик вернулся в сени и вышел с топором в руке.

– Чую, тебе всё привиделось, Марфа, но поглядим, очей не сломаем.

Старики медленно приблизились к бане.

– Эй, ворог, выползай на свет божий! – крикнул старик, беря топор наизготовку. – Выползай, вражина, сегодня там не топлено.

Никто к ним не вышел, и старики с тревогой переглянулись.

– Пантелеймон, сосед, ты, что ли, озоруешь? – крикнула, глядя на дверь, старушка. – Зенки залил, что ли, и Аннушка на порог не пускает?

Тишина в ответ. Старики пребывали в растерянности.

– А может, всё это нам чудится, Марфа? – тихо вымолвил старик. – Мало ли на кого псина тявкает.

– А ты загляни туда и погляди, Матюша, – прошептала, трясаясь от страха, старушка. – Никого не увидишь, и гора с плеч.

Держа топор перед собой, старик медленно приблизился к двери.

– А ну выходи из бани, паскудник, в последний раз упреждаю? – подбадривая себя, закричал он. – Враз башку смахну топором, ежели сопротивляться умыслишь!

Он распахнул дверь предбанника, и вдруг...

– Ты топор-то опусти, батя, – послышался голос. – Неужто на родного сына рука поднимется?

Быстро, как молодой, старик отпрыгнул назад и замер рядом с потерявшей дар речи старушкой.

– Слышь, мать, сыном нашим называется тот, кто в бане сидит, – сказал он дрожащим от волнения голосом. – Эй, дух банный? А который из сыновей ты, у нас их пятеро.

– Четверо умных, а пятый дурак? – послышался ответ. – Вот я как раз и есть тот самый пятый.

– Бреши больше, вражина, – чувствуя, что никакая угроза им не грозит, взбодрился старик. – Пятый наш сынок на фронте, с австрияками воюет и в бане быть никак не может.

– Могёт не могёт, а здесь я, – послышался голос. – Повоевал я с австрияками и с немчурой повоевал. А когда всё здоровье в окопах оставил, так меня домой отправили помирять.

– Ежели ты сынок наш, то чего таишься и на глаза не показываешься? – приходя в себя, оживилась старушка. – Выходи наружу, и мы с отцом поглядим на тебя.

– Давно бы вышел, да боюсь испугать вас до смерти, родители, – усмехнулся солдат. – Вы меня одним помните, а сейчас я другой стал, неузнаваемый.

– Что ж, каким стал, таким и ладно, – вздохнул старик. – Попа и в рогоже узнают. Выходи из бани-то, Силантий? В избу айда, тама поговорим.

– Ну раз так, то выхожу, – ответил отцу Силантий. – Только шибко не пужайтесь, меня увидя, родители. Я сейчас такой, что в гроб краше кладут.

Когда он вышел из бани, старушка схватилась за сердце, ноги её подкосились, и она без сознания осела на землю. Старик смотрел на сына с открытым ртом и вытаращенными глазами. К его ногам упал топор. И в это время проливной дождь стеной обрушился с неба и загремел гром.

10

Прошло два месяца.

Пригород Самары, посёлок Зубчаниновка, погрузился в ночные сумерки. Иван Ильич Сафронов, едва различая дорогу, идёт по тихой улице, ориентируясь на звучащие в ночи песнопения хлыстов. С каждым шагом голоссалии слышатся всё громче. Сафронову даже кажется, что он узнаёт голос Евдокии Крапивиной, который выделяется своей силой и чистотой, и у него ёкает сердце.

Отворив калитку, он вошёл во двор, но пройти сразу в дом не решился. Ему не хотелось обращать на себя внимание радеющих сектантов.

Неожиданно кто-то коснулся его плеча. Иван Ильич вздрогнул и обернулся.

– Это я перед тобой, купец, – тихо и внушительно проговорил старец Андрон, прожигая его странным въедливым взглядом.

– А там? – кивнув на дом, спросил в замешательстве Сафронов. – За тебя кто отдувается на радениях, кормчий?

– Там «богородица» Агафья вместо меня верховодит, – ответил старец. – Она не хуже меня всё знает и проведёт любой наш обряд без сучка и задоринки.

– Тогда я ничего не понимаю, – вздохнул в замешательстве Иван Ильич. – «Богородица» там, ты здесь...

– Прогуливаюсь я, – вздохнул Андрон. – В избе что-то душно стало.

– Что ж, тогда я пойду, – не желая поддерживать разговор со старцем, засобиравшись Сафронов. – Приятно было встретиться и побеседовать с тобой.

– А ты обожди, не спеши, барин, – остановил его Андрон. – Сказать не хочешь, для чего приходил? Я тебя уже второй раз на нашем собрании созерцаю.

– Да я, э-э-э... – смешался Иван Ильич. – Голоссалии мне ваши нравятся. Поёте вы очень хорошо, душевно, заслушаешься.

– Тогда чего уходить собрался? – усмехнулся старец. – Постой, послушай и сам участие прими в радении, ежели захочешь.

– Нет-нет, в другой раз, – смутился Сафронов. – За мной уже приедут скоро, и я... Э-э-э...

Выждав, Андрон вздохнул и покачал головой.

– Вот гляжу я на тебя и диву даюсь, барин, – заговорил он. – Вроде ты купец и, стало быть, человек грамотный. Не из бедных, деньгами немалыми ворочаешь, а ведёшь себя, будто дитя неразумное. Когда человек лжёт, я это за версту чую.

– А откуда тебе известно, что я купец? – напрягся Иван Ильич. – Я же одет сейчас небогато и не имею чести с тобой знакомым быть.

– Ещё прошлый раз, когда я тебя во время голоссалий приметил, то сразу уяснил, что ты человек у нас новый, – ответил старец. – Я и покалякать с тобой после радения собирался, но нагрянули жандармы и всё испортили. А то, что ты купец, я позже узнал.

– Девка мне одна у вас понравилась, – неожиданно для самого себя признался Сафронов. – Вот и пришёл, чтобы ею полюбоваться.

– Это похоже на правду, – вздохнул Андрон. – А девка та, как я разумею, Евдоха Крапивина?

– Да-а-а... А как ты про это прознал? – удивился Иван Ильич.

– Я же на корабле своём не только проповедями занимаюсь, – лукаво улыбнулся старец. – Во время голоссалий я всегда за всеми наблюдаю. Как за гостями, так и за голубями своими. И за тобой я внимательно наблюдал, барин. Видел, как ты на Евдоху Крапивину пялился.

Сафронов смешался.

– Но я...

Подняв вверх руку, Андрон останавливает его.

– Всё, хватит трепаться, – сказал он. – Давай после радений продолжим, если захочешь?

– Ты что, меня на радения приглашаешь? – насторожился Иван Ильич.

– А у нас для всех двери открыты, барин, – неопределённо ответил Андрон. – И ты волен поступать так, как пожелаешь.

Старец повернулся и пошел к крыльцу. Сафронов вздохнул, пожал плечами и пошел за ним следом.

* * *

Переступив порог дома, Сафронов в недоумении остановился. Гостей, как в прошлый раз, не было, а хлысты стояли кругом посреди горницы. В середине круга стояла пожилая женщина лет шестидесяти.

Иван Ильич с замирающим сердцем пытался рассмотреть среди радеющих ту, ради которой пришёл на моления. Стоявшие в кругу хлысты облачены в белые одежды. На мужчинах рубахи до пят, с широкими рукавами, а на женщинах, поверх рубаш, белые сарафаны или белые юбки. Головы женщин покрыты белыми платками. В правой руке участники радения держали зажжённую свечу, а в левой – белые платочки.

– Сейчас начнут с одиночного, – услышал Сафронов голос старца и вздрогнул от неожиданности. Он повернул голову вправо и увидел стоящего рядом Андрона.

– Не пужайся, барин, – ухмыльнулся старец. – Я буду подсказывать тебе, что происходит, а ты гляди и наслаждайся.

Первой начала танец высокая красивая женщина. Что-то выкрикивая, она, быстро семеня, скользила по горнице.

– А сейчас в схватку пойдут, – прошептал на ухо Сафронова Андрон. – Гляди лучше, барин, тебе понравится.

Под усиливающиеся голосалии хлыстов к танцующей женщине подключился мужчина. Он стал вихрем носиться вокруг неё, то наскакывая, то отбегая прочь, то бросаясь впрыскаду, то вскидываясь в воздух, стуча каблуками и выделывая ногами самые невероятные кренделя. Мужчина и женщина не улыбались, их лица были серьёзны, как на похоронах.

– А теперь стенке очередь пришла, – прошептал старец. – Сейчас мои голуби тебя всласть позабавят.

Распевая голосалии, хлысты как по команде выстроились в два ряда и начали прыгать, размахивая руками. В эти минуты они напоминали не взрослых здравомыслящих людей, а озорную детвору, резвящуюся под ярким солнышком на лужайке.

Следом за стенкой хлысты переключились на корабельное радение, бегая по горнице друг за другом. И на этот раз радения напоминали игру в догонялки.

– А сейчас в расходку пойдут, – напомнил о себе старец зловещим шёпотом. – А потом в хороводное...

Хлысты будто слушали Андрона и в точности выполняли все его команды. Они встали парами накрест и стали перебегать в противоположные стороны, затем перестроились на ходу и побежали по кругу.

Сафронов во все глаза смотрел на потрясающее представление. Он хлопал в ладоши и едва не кричал от восторга.

– А вот теперь, напоследок, круговое радение, – напомнил о себе, косясь на него, старец. – Пожалуй, и я в нём участие приму.

Андрон вышел в круг хлыстов, и пляшущий хоровод сразу же увеличил темп. Хлысты, впадая в экстаз, закружились отдельно, каждый вертелся по солнцу, стоя на месте.

Сколько времени длилась эта красочная вакханалия, невозможно было представить. В результате кружений и беготни радеющие дошли до полного исступления. Один за другим они впадали в транс, и у них начинались галлюцинации. Обессиленные люди свалились с ног на пол в одну бессвязно бормочущую кучу, а «богородица» погасила свечи и тихо вышла из горницы.

* * *

Одновременно с окунувшейся в темноту горницей погрузилось в темноту и сознание купца Сафронова. Он не слышал сладострастных стонов совокупляющихся в свальном грехе сектантов, не слышал и диких воплей бьющихся в эпилептических припадках так называемых «вошедших в дух».

Андрон взял его за руку и потянул к двери.

– Вижу, торкнуло тебя, купец. В самое темечко шарахнул дух святой, сошедший с небес. Ты хоть раз наблюдал что-то подобное в храмах православных?

Старец вывел его на крыльцо, где Иван Ильич глубоко вздохнул и встряхнул головой.

– Ты что-то сказал? – обратился он к Андрону, едва ворочая языком.

– Благодать на тебя накатила, – усмехнулся старец. – Верь не верь, но только что ты на святого апостола был похож.

– У-у-ух, – вздохнул Сафронов и провёл ладонями по лицу, – так это что, я сейчас был где-то на небесах, в «царстве небесном» или в аду?

– А это ты не у меня, а сам у себя поинтересуйся, – лукаво улыбнувшись, ответил Андрон. – Каков сам себе ответ дашь, считай так оно и есть.

– Наверное, в аду, – неуверенно пробубнил Иван Ильич. – Я видел там бесформенную, стонущую и воющую кучу людей, слышал стоны и душераздирающие вопли. И что происходит там, в избе? Всеобщее помешательство после бешеной пляски или что-то ещё?

– Нет, – вздохнул, отвечая, старец, – таинство там произошло, чудесное, купец. На всех, кто в радениях участвовал, дух святой снизошёл.

Андрон говорил что-то ещё, задавал вопросы, но Сафронов больше не слышал его. Заподозрив, что с купцом творится неладное, старец удовлетворённо улыбнулся и покачал головой:

– Эй, Савва, иди-ка ко мне, голубок.

Из темноты вышел молодой мужчина могучего телосложения.

– Отвези барина домой, Савва, – распорядился старец, кивая на Сафронова. – По дороге его ни о чём не расспрашивай, да и свой язык за зубами держи.

– Всё исполню, – кивнул Савва. – Не впервой эдаких развозить.

– Аккуратней с ним будь, – предупредил Андрон адепта, – будто с дитём грудным обходишься. Барин мне ещё пригодится.

Савва взял качающегося Сафронова на руки и понёс к стоявшей у ворот телеге.

– Ну вот, ещё один купец на мой корабль взошёл, – шепча под нос, направился к крыльцу Андрон. – Скоро я вылеплю из него достойного адепта и погляжу, что можно будет вылепить ещё полезное...

* * *

В полубесчувственном состоянии Евдокия Крапивина лежит в общей куче хлыстов. Отовсюду слышатся стоны, крики, невнятные бормотания. Ей трудно дышать, она ослаблена настолько, что не в состоянии пошевелить ни руками, ни ногами. Все силы без остатка отданы ею на радения. Рядом стонет сестра Мария в объятиях своего духовного мужа.

Пытаясь привстать, Евдокия вдруг увидела огонёк свечи. Среди стонущей в сексуальном угаре массы тел девушка разглядела Андрона. Старец склонился над ней.

– Сегодня свальный грех не для тебя, голубка, – погасив свечу, прошептал он. – Ты слишком хороша собой, чтобы предаваться ему в этой смрадной куче.

Андрон взял её на руки и, ничего не говоря, понёс к выходу из избы.

11

Двухэтажный дом купца Сафронова находился на тихой улочке в центральной части Самары. Деревянное здание крыто железом, богато украшено резьбой по дереву. С двух сторон пристроены каменные пристройки. Сразу за домом большой сад.

Иван Ильич с супругой проживал на втором этаже, внизу располагались большая прихожая, совмещённая со столовой кухня и жильё для прислуги.

Вернувшись под утро из Зубчаниновки, Сафронов быстро умылся, переоделся и поспешил в комнату жены, заранее подбирая в голове слова для оправдания.

Супругу он застал спящей в кресле. Рядом с ней, на столике, – три догоревшие свечи. Иван Ильич крадучись приблизился к креслу и долго, с виноватым видом, молча любовался красивым лицом супруги. «И что меня всё к сектантке этой влечёт? – думал он с горечью. – Ведь Марина моя ничем не хуже, хотя уже сорок пять годков наступило. Всё, надо как-то соскребать с себя эту блажь, пока...»

Словно почувствовав на себе его взгляд, Марина Карповна открыла глаза и жеманно потянулась.

– Это ты, Ваня? – прошептала она. – А я тебя всю ночь ждала. Переживала, что тебя снова жандармы под арест взяли.

– Да вот, у Гавриила Лопырёва задержался, прости, – вкрадчиво, с видом нашкодившего ребёнка, заговорил Иван Ильич. – Сначала, с вечера, мы с ним делишки торговые обсуждали, а потом за картишки присели. Вот так ночка незаметно и пролетела.

– Врёшь поди, Ваня? – усомнилась Марина Карповна. – То, что у Гавриила был, ещё проверю, но чтобы вы ночь за картами провели...

– Так и было, душа моя, не сомневайся, – заверил Сафронов. – Карты так затягивают игроков, что всё забываешь на свете.

– Странно как-то, – натянуто улыбнулась Марина Карповна. – Вы как с Гавриилом схлестнётесь, так пьёте до утра и за юбками волочитесь.

Сафронов сел в кресло напротив и вздохнул.

– Так это когда было? Отошли те светлые денёчки, дорогая. Теперь годы берут своё, а я всецело твой. Сейчас всё больше на картишки тянет, чем под бабы подолы.

– Все годы нашего замужества я считала, что ты любишь меня, Ваня, – с упрёком сказала Марина Карповна. – А ты только жил со мной рядышком, а сам всё за девками волочился.

– Нет, не продолжай! – всплеснув руками, запротестовал Иван Ильич. – Нам что, больше поговорить не о чем?

– А о чём нам ещё разговаривать, Ваня? – качая головой, возразила Марина Карповна. – Ты всегда поступаешь, как хочешь, и я уже привыкла к этому.

– Постой, тебя что-то не устраивает? – напрягся Иван Ильич. – А может быть, я держу тебя в чёрном теле? Ты же отказа ни в чём не знаешь, Марина. Живёшь как у Христа за пазухой.

Марина Карповна загадочно улыбнулась и пожала плечами.

– Нет, я на жизнь уже не жалуюсь, – сказала она. – Свыклась со всем и не ропщу. В доме всего вдоволь, кроме внимания. Ты всегда куда-то уезжал на две недели, а возвращался, бывало, через месяц. Я тебя каждый день ждала, но ты всё не ехал...

Морщась от гадкого чувства, появившегося внутри, Сафронов вскочил с кресла и подошел к окну:

– Ты сейчас говоришь, как избалованный ребёнок, дорогая. Я всегда уезжал только по делам, а не ради удовольствия.

Губы Марины Карповны задрожали от обиды.

– Ты лгал мне, Иван, – сказала она. – И уезжал ты в «деловые поездки» только из дома, но не из города. Ты переезжал к очередной пассии и жил у неё в своё удовольствие.

– Давай на этом закончим, Марина! – взмолился Иван Ильич. – Плохо или хорошо, но большую часть жизни мы прожили вместе. И знай: в моём сердце твоё место никем и никогда не будет занято.

Голос его дрогнул, наступило молчание.

– Ваня, подойди ко мне, – попросила Марина Карповна тихо.

Услышав её, Сафронов отошёл от окна и обернулся. Супруга сидела в кресле и смотрела на него полными печали глазами. С замирающим сердцем он подошёл к ней. В порыве Марина Карповна вскочила с кресла, обняла его за шею и потянулась к его губам.

– Я очень несчастна, Ваня, – прошептала она. – Муж мой непутёвый, поцелуй меня!

Сафронов растерялся. Ему не хотелось целовать жену. Он освободился от объятий Марины Карповны и с тяжёлым сердцем вышел из комнаты.

* * *

Трое суток метался Силантий Звонарёв в постели, как одержимый. Он кричал, рычал, стонал и дышал так тяжело, что казалось, будто он доживает последние минуты своей жизни. Родители ни на шаг не отходили от кровати сына.

– О Господи, Владыка Небесный, смилуйся над ним, – молился отец, стоя с зажженной свечкой. – Облегчи его муки, Господи, сжался над несчастным калекой.

Всякий раз, когда сын в беспамятстве сбрасывал с себя одеяло, старики с ужасом рассматривали его обезображенное тело.

– Господи, Боже мой милостивый, да разве это Силашка наш? – шептала мать, содрогаясь от ужаса. – Да ведь это демон из ада или, хуже того, сам Сатана из ада кромешного.

– Головешка обугленная сынок наш, – вторил отец. – Места живого на теле нет. Как же он выжил после эдакого увечья?

Старики молятся, вздыхают и снова разглядывают тело сына, представляющее собой сплошной ожог.

– Вон корка-то лопается, а из язв кровушка сочится, – чуть не плача, шепчет мать. – Видать, худо ему, Матвей, очень худо?

– Кожи на теле нет, только корка одна, – вздыхает отец. – Ссохлась вся и будто панцирь стала. Вот потому трескается и кровяка из трещин выступает.

– Да разве эдак жить можно? – всхлипнула мать. – Ты вон руку до локтя обжог, а сколько маялся, покуда зажило.

– Уже почитай годочков пять минуло, а я всё маюсь, – вздохнул отец. – Ожог мой тоже рассыхался, коростою покрывался и растрескивался опосля. Ладно старуха Маланья подлечила, а то б...

Силантий, словно чего-то испугавшись, вздрогнул и сбросил с лица прикрывающую глаза тряпку. Из-за отсутствия век его глаза всегда были открыты, и, ложась в постель, он прикрывал их влажной тряпкой.

– Что, телом моим любуетесь, родители? – поинтересовался он хриплым, надтреснутым голосом. – Да, меня теперь не признать. Я будто не человек, а демон из пекла адава. Как жив остался, и сам того не ведаю. Тех, кто был со мной рядом, живыми даже до госпиталя не донесли.

Выслушав его, старики тревожно переглянулись. Силантий посмотрел на них немигающими глазами и изобразил что-то наподобие улыбки лишённым губ ртом.

– Не хотел вам ничего рассказывать, родители, два месяца держался, но, видимо, придётся, – сказал он. – И не глядите на меня так, человек я, хоть и выгляжу как чёрт.

Он встал с кровати, обернулся одеялом и подошёл к столу.

– Мама, самогона мне дай, – сказал он. – Слишком тяжёлым признание моё будет. Начну с того, что забрали меня в солдаты и с такими же горемыками, как я, отправили на фронт, – морщась от воспоминаний, начал Силантий. – А там обучили маленько, как стрелять, штыком колоть вражину, и в окопы айда.

Он замолчал, что-то вспоминая, а старик, захмелев от выпитого, сказал:

– Знаем мы о том, сынок, знаем. Мы же сами тебя с матерью на войну провожали.

– Я всегда помнил тот день, находясь на передовой, – вздохнул Силантий.

– И мы с матерью вспоминали тот день не раз, – сказал старик, глянув на притихшую рядом старушку. – Из тех, кто ушёл с тобой воевать из села нашего, никто не вернулся покуда.

– Воевал я недолго, – продолжил Силантий. – Месяца не прошло, как в беду попал. В один из боёв пошли в атаку и вышибли немцев из окопов. Но скоро они вернулись обратно и пожгли нас всех в окопе из огнёмётов.

– Батюшки... – прошептала старушка и перекрестилась.

Повернув голову, старик строго глянул на неё, и она, закусив губу, замолчала.

– Сынок, а огнёмёт – что такое? – посмотрел он на сына. – Отродясь об эдаком оружии слышивать не приходилось.

– Долго рассказывать, да и ни к чему, – вытирая слезящиеся глаза, сказал Силантий. – Скажу только, что изрыгает он огонь из себя на много саженой и всё выжигает тот пламень адский, чего касается.

Воспоминания угнетают солдата. Силантий поднёс стакан к обезображенному рту.

– Сынок, а ведь ты не пил никогда, – не удержавшись, подала голос старушка. – Никогда этой гадостью свой рот не пачкал. И голос твой...

– А ну цыц, Марфа! – грозно прикрикнул старик. – До войны не пил, а там, стало быть, начал. Сама же видишь, в каком аду побывало чадо наше. А голос... – Он посмотрел на сына. – И мне почудилось, что голос твой, Силашка, вроде как другой стал.

– Связки мои от огня пострадали, – нимало не смутившись, объяснил Силантий. – От того и голос изменился. А вы что, всё ещё не верите, что я ваш сын, родители?

Старики, переглянувшись, пожали плечами.

– Не сердчай, сынок, – шмыгнув носом, пролепетала старушка. – Мы всё к твоему виду никак привыкнуть не могём. Вот и болтаем, сами не знаем чего.

– Мы тебе верим, сынок, не сумлевайся, – хмуря седые брови, заявил старик. – И документы я глядел самолично, и крестик видал нательный, что мать тебе на шею надела, на фронт отпуская. И она крестик тот признала, только вот...

Он на мгновение замялся и, вздохнув, продолжил:

– Как же документы и крестик нательный уцелели на тебе, когда немцы вас напаломом жарили?

– Да как вам сказать, – ухмыльнулся Силантий. – Хосподь сохранил, видать, меня и крестик, и документы. Будто чуял я беду ту заранее, что на нас шквалом огня обрушилась. Документы и крестик загодя я в тряпочку завернул и за голенище сапога засунул. Наши эдак делали, когда к бою готовились.

В сильнейшем волнении он схватил бутылку и прямо из горлышка сделал несколько глотков.

– Всё, хватит на сегодня об этом, – сказал он, переводя дыхание и откусывая кусочек хлеба. – Остальное позже обскажу. Мне бы сейчас тело чем смазать, чтобы муки облегчить. У меня настойка была лечебная, масляная, да закончилась вся.

Растерянные старики, переглянувшись, пожали плечами.

– Маслице топлёное есть чуток, сынок, – сказала старушка. – Поможет оно тебе?

– Давай, мама, – кивнул Силантий, – сойдет на безрыбье. Но мне жир барсучий или сало гусиное поболее помогает. Имеется в деревне эдакое?

– Нет, сынок, – покачал головой старик, – небогато живём, ты же знаешь.

– Гусей не держим и охотой не промышляет никто, – добавила старушка. – Мужиков почитай всех на фронт германский забрали, вот и некому за зверьём в лес ходить.

– На нет и суда нет, – усмехнулся Силантий. – А на базаре городском то отыскать можно?

– Дык на что? – вздохнул старик. – Как война началась, всё подорожало. А денежек у нас никогда не водилось вдосталь, тем более сейчас.

Силантий встал из-за стола и расправил плечи.

– Денег я дам, на всё хватит, – сказал он. – А ты, батя, с утра на базар собирайся. Мне каждый день ожоги смазывать надо и не раз. У вас на то масла не хватит.

12

После ночных радений сестры наводили порядок в горнице молельного дома.

Сёстры жили на «корабле» хлыстов вместе с «кормчим», старцем Андроном, и «богородицей» Агафьей. Красивые молодые женщины во время голоссалий и радений заметно выделялись среди всех остальных своими чистыми сильными голосами и в религиозных «плясках» им равных не было.

В будни сестры не только убирались, но и помогали «богородице» готовить еду, топить баню, собирать травы.

Во дворе за хозяйством присматривал Савва Ржанухин. Тихий, покладистый, недалёкий здоровяк, он ухаживал за животными, имеющимися в хозяйстве, и занимался извозом старца и «богородицы» по делам неотложным.

В это утро Евдокия вытирала окна, а Мария мыла пол. За работой сёстры и не заметили, как в горницу вошёл старец.

– Марья, выйди, – распорядился Андрон. – Мне с Евдохой покалякать надобно.

Евдокия под пристальным взглядом старца так и замерла, покраснела и опустила голову.

– Что-то ты в последнее время сама не своя, Евдокия? – хмуря лоб, поинтересовался Андрон. – Как спутанная ходишь, а мыслями, видать, далеко отсюда?

Евдокия изменилась в лице. Крутой нрав старца внушал ей страх.

– Евстигней весточки шлёт? – неожиданно спросил Андрон.

– Нет от него ничего, – ответила тихо Евдокия. – Ушёл и как в воду канул.

– Вот и я о нём ни сном ни духом, – сказал Андрон с укоризной. – Даже не ведаю, кем считать его, мёртвым или живым.

– И я знать не знаю, кем считать его, – вздохнула Евдокия. – И себя кем считать не знаю, вдовой или замужней.

– Ты считай себя тем, кто есть, – заговорил старец назидательно. – Забудь, что вы когда-то в церкви венчались. Все венчанные супруги, пришедшие к нам, прекращают православные брачные отношения. И ты знаешь о том.

– Знать-то знаю, но привыкнуть к этому никак не могу, – вздохнула Евдокия. – Да и не было у нас с Евстигнеем отношений никаких. После венчания он привёл меня на «корабль» людей божьих, и всё на том.

– Как это всё? – нахмурился Андрон. – Ты стала Евстигнеею женой духовной, а это значит правильной. И он должен был хранить целомудрие твоё. И плотская связь между вами не возбранялась вовсе. Эдакая связь грехом не является, поскольку здесь не плоть проявляется, а духовная, христова любовь.

– А где теперь муж мой духовный, не знаю я, – всхлипнула Евдокия, – вот и маюсь от горя.

Андрон посмотрел на неё колючим, изучающим взглядом и протянул руку. Евдокия невольно протянула ему руку свою.

– Утри свои слёзы, Евдоха, и жди, – заговорил вкрадчиво старец. – Назначу я мужа духовного, тебя достойного. И накажу ему строго-настрого крепко заботиться о тебе.

– Как же так? – удивилась Евдокия. – А вдруг Евстигней объявится? Как же я в глазоньки его погляжу?

– Объявится не объявится, на воде вилами писано, – поморщился старец. – Но а ежели явится, я ему другую жену духовную подыщу. Внакладе не останется, обещаю.

* * *

После разговора со старцем, оставившего тяжёлый осадок в её душе, Евдокия некоторое время не находила себе места. «Что ему надо? – думала она. – Зачем завёл со мной разговор эдакий непотребный? И как это, с его слов, складно получается: найдёт мне духовного мужа, будто они везде штабелями валяются? Евстигней, если с войны живым вернётся, другую жену подыскать обещает. Всё как-то неправильно, не по-людски. У православных вон сходил под венец и на веки вечные оженился. Вот эдак правильно, по-христиански, а так... Так это значит во грехе жить с кем ни попадя?»

Глянув на часы, Евдокия поспешила за печь и быстро переделась в красивое цветастое платье, подчёркивающее её фигуру. Мария, войдя в дом, сразу же обратила внимание на изменившуюся сестру:

– Ух ты?! Прямо не узнать тебя, Евдоха. Или ты опять в церковь намылилась, сестра? А может быть, барина того поискать? Вон как вырядилась, глаз не оторвать.

– Тебе-то какое дело, куда я, – огрызнулась Евдокия. – У тебя есть работа, вот и исполняй её, а в мои заботы не суйся.

– Ой, ой, ой, – обиделась Мария. – Ну и ступай себе куда хочешь. Только в общине недовольные тобой имеются. Тебя перестают понимать люди, а там и до беды недалеко.

– Ладно, не серчай, – сказала Евдокия примирительно. – Ты правильно мыслишь – в церковь я. Душа так и тянет в храм Божий, чую, большая беда поджидает меня.

– Обижайся не обижайся, но ты сама накликаешь на себя беды, сестра, – вздохнула Мария. – Живи, как все, и беды уйдут. Вот чего тебя всякий раз в церковь тянет? Потому, что ты только и думаешь, как бы помолиться тайно иконам. Ты как не от мира сего, Евдоха? Ни ума, ни разума в башке твоей не осталось. Блаженная – вот кто ты есть, сестрица моя дорогая.

– Нынче старец со мной беседовал, – проглотив обиду, сказала Евдокия. – Тебе что, не интересно, о чём он вещал мне?

– Интересно, но жду, когда ты сама мне всё расскажешь, – вдруг заинтересовалась сестра.

– Он ко мне хочет нового мужа духовного приставить, – вздохнула Евдокия. – Кого, не сказал, а у меня всё внутри сжалось от худого предчувствия.

– Подумаешь, – пожимая плечами, сказала Мария. – Андрон мудрое решение принял и правильное, ежели знать хочешь. Евстигней ушёл на фронт и канул. А ты места себе не находишь, в церковь зачастила и в свальных радениях не участвуешь.

– Не могу выносить блуда срамного, – брезгливо поморщилась Евдокия. – Не такая я.

– А я что, «такая», по-твоему? – возмутилась Мария. – Может быть, ты меня с гулящими девками ровняешь? Свальные радения грехами не считаются, и ты это не хуже меня знаешь, сестра неразумная.

Не желая ссориться, Евдокия не отреагировала на гневный выпад сестры и промолчала. Собравшись с мыслями, она решила успокоить Марию и даже рот открыла, чтобы произнести примирительную фразу, но... Вдруг открылась дверь, и в дом вошёл Ржанухин Савва.

– Ну где ты, Евдоха? – позвал Савва. – Я уже лошадь запряг, а ты всё носа из избы не кажешь.

– Сейчас я, – засуетилась Евдокия, накидывая на голову платок. – Ступай, Саввушка, выйду непременно.

Когда Ржанухин вышел на улицу, Евдокия перевела взгляд на сестру.

– Я пойду, Маша. С тобой мы опосля ещё посудачим. Не сердись на меня, сестрица, и не думай худо обо мне.

13

Иван Ильич Сафронов заглянул к купцу Лопырёву, старому знакомому и незаменимому собутыльнику, с которым они на протяжении долгих лет дружбы выпили не одну бутылку горькой и приударили не за одной сотней женских юбок. Они сидели за столом, пили чай и предавались воспоминаниям о былом.

– Как движутся твои коммерческие дела, Ивашка? – поинтересовался Лопырёв. – Всё так же, на высоте?

– Да какие сейчас дела, о чём спрашиваешь, Гаврила? – притворился озабоченным Сафронов. – Так, мелкие делишки, не больше. Держусь на плаву и рад тому.

– Ты бы видел сейчас своё лицо, Ивашка? – хохотнул Лопырёв. – Такое сквашенное, как будто последний хрен без соли доедаешь. А у меня вот сведения по тебе другие.

– А, по моим сведениям, дела твои не так блестящи, как прежде, – поддел собеседника Сафронов. – И лабазы твои поскуднели, и другая коммерция так себе.

Лопырёв, выслушав его, встряхнулся и весь напрягся.

– Откуда у тебя такие сведения, Ивашка? – хмуря лоб, поинтересовался он.

– Откуда? – улыбнулся Сафронов. – Не поверишь, но вся Самара об том говорит.

– Не говорят, а брешут люди, – в сердцах высказался Гаврила. – Трудно мне приходится, очень трудно, а кому сейчас легко, в такое-то время? Денег у людей мало стало, вот и покупательский спрос упал. Кручусь, как таракан в банке, а толков никаких.

– А сынок твой, Влас? Он тебе крутиться помогает? – хитровато щурясь, поинтересовался Сафронов. – А может, тоже врут люди, дурные слухи о нём пускают? Я вот слышал, будто сыночек твой всё больше жизнь праздную ведёт? В ресторанах и кабаках, в дурной компании пребывает?

Выслушав его, Лопырёв поморщился.

– Мой сын, – сказал он, – это головная боль. Вымахал верстой, до макушки не достать, не подпрыгнув, а мне, отцу своему, обуза, а не подмога. Проку от него никакого. Только за юбками скакать горазд жеребцом, а родительский промысел никак не празднует.

– Видать, в тебя пошёл, – поддел его Сафронов. – Яблоко от яблони недалеко падает.

– Что я? – возмутился Лопырёв. – А ты лучше себя вспомни? Мы оба с тобой и попить и погулять любили, да дело знали. Только вот тебе повезло, дочка у тебя родилась, а у меня верзила и лоботряс никудышный.

– А ты жени его, – предложил Сафронов. – Может, и остепенится Влас твой, в семейную рутину погрузившись?

– А мы? Вспомни нас, Иван? – покачал головой Лопырёв. – Разве остепенила нас жизнь семейная? После венца ещё пуще вразнос ударились, правда, и о деле всегда помнили.

– Мы с тобой дело другое, Гаврила, – обронил Сафронов, наливая себе чая. – Ни мне, ни тебе не повезло. Тебя женили на кошельке отца Дуньки рябой, да и я тоже не по своей воле женился. Вот потому искали счастье мы не дома, не в семье, а в вине и обществе девок распутных.

Выслушав его, Лопырёв задумался, и его лицо осветила широчайшая улыбка.

– А знаешь, что, Иван: выдай-ка свою Анну за моего Власа? – оживился он. – Дочь у тебя одна и сын у меня один, и всё, что от нас останется, им достанется?

К предложению Лопырева Сафронов оказался совершенно не готов. Но как человек бывалый и изворотливый, Иван Ильич мгновенно сообразил, что ответить другу.

– А что, мысль хорошая, Гаврила, – сказал он с улыбкой. – Только Анна моя сейчас в Казани, в университете учится. Вот закончит, тогда и пожалуйста. Вполне возможно я благословлю её под венец идти.

– Другого ответа я и не ожидал от тебя, Ваня, – осклабился Лопырёв. – Ты всегда был сам себе на уме, даже пьяный в стельку. А ежели глубже копнуть? Для чего бабе нужна учёба? Читать, писать умеет, вот и будя. Ей того достаточно. Согласись, чтобы детишек рожать и растить их, много ума не надо.

– Тогда давай хотя бы конца войны дождёмся? – предложил Сафронов. – Да и дочку негоже с учёбы срывать. А свадьба нынче людей не порадует, а обозлит. Кругом горе, а у нас, у купцов, видишь ли, праздник отмечается?

– Иван, не крути мне мозги, я же тебя как облупленного знаю, – возмутился Лопырёв. – Не хочешь свадьбы, так и скажи. И нечего тут то на то, то на сё ссылаться.

– Ну что ты, не горячись, Гаврила, – со страдальческим выражением лицам обратился к нему Сафронов. – Да разве я против породниться с тобой? Ты меня неправильно понял. А война... Я вот чего опасаюсь, вдруг твоего Власа на войну закатают? А там и убить могут, не дай бог! Овдовеет моя доченька, вот чего я опасаюсь?

– Да не заморачивайся ты на сей счёт, Иван? – ухмыльнулся Лопырёв. – Мой сын на войну не пойдёт. Я уже заплатил кому надо и сколько надо. И Власа в покое оставят.

«Подсуетился, значит, скотина», – с озлоблением подумал Сафронов, а вслух, с довольной улыбкой, сказал:

– Тогда всё, считай, что мы поладили. А давно тебя такая удачная мысль посетила?

– Как пить бросил и по бабам мыкаться завязал, – с бравадой сообщил Лопырёв.

От ответа закадычного приятеля у Сафронова глаза полезли на лоб.

– Что ты сказал? Я не ослышался? – воскликнул он. – Я же к тебе только для того и пришёл, чтобы водки попить предложить.

– Всё, отпил я своё, Ивашка, – погрустнел Лопырёв. – А вот чайку давай ещё выпьем. И досуг у меня теперь другой появился. Всё, чем мы раньше с тобой занимались, я в помойку выбросил и забыл, так-то, Ваня.

Сафронов в сердцах отодвинул от себя пустую чашку и накрыл её ладонью, давая понять, что чаепитие закончилось.

– Всё, мне пора, – засобирался он. – Спасибо за чай, но я ещё пойду и водки выпью.

– А уговор наш о женитьбе детей будем считать состоявшимся, Иван Ильич? – не пытаясь его задерживать, поинтересовался Лопырёв.

– Конечно, – пообещал Сафронов. – Не сомневайся, дружище. Если твоего сына на фронт не отправят, значит, и мне беспокоиться нечего.

* * *

Сафронов вышел на улицу в отвратительном настроении. Усевшись в коляску и не обращая внимания на кучера, он грубо высказался:

– Ишь чего удумал, скотина! Своего раздолбая на моей красавице Анечке собрался женить.

В сердцах он изобразил пальцами кукиш и вытянул руку в сторону дома Лопырёва.

– Вот тебе, выкуси, Гаврюша, – прошептал он злобно. – Дочка моя никогда твоему бездельнику не достанется, хоть тресни, хоть лопни, жизнью своей клянусь.

Не слыша команды барина, сидевший на козлах кучер медленно обернулся и уставился на Сафронова.

– А ты чего тарачишься, дурак? – разозлился Иван Ильич. – Мы ещё долго будем торчать у этого дома?

– Дык я слова вашего жду, барин? – пробубнил кучер. – Дык, куда ехать, прикажете?

– Да хоть куда! – в сердцах выкрикнул Сафронов. – Только подальше от этого логова.

Пожимая плечами и что-то бормоча под нос, кучер взмахнул кнутом, и... Он не успел подстегнуть им коня. К коляске подошёл крепкий высокий мужчина и удержал его за руку.

– Эй, а ну отпусти мою руку, поганец! – прикрикнул на него опешивший кучер. – Я сейчас тебя...

Сафронов глянул на мужчину и узнал его.

– Савва? Ржанухин? Чего тебе? – обратился он к хлысту. – Чего ты удерживаешь мою коляску?

– Вижу, признал, барин! – одарил его Ржанухин широчайшей улыбкой.

– Ну, признал, и что? – удивился Сафронов. – Ты с каким-то делом ко мне, Савва?

– Так и есть, с делом я к тебе, барин, – отпуская руку кучера, кивнул утвердительно Ржанухин. – Меня к тебе старец прислал. Приглашает он тебя на воскресное соборное радение.

«Вот даже как? – изумился Иван Ильич. – Что же может означать такое приглашение? Какая в этом подоплёка?»

– Ну, хорошо, я приду, – сказал он. – А что, старец так всех, обособленно, приглашает?

– Да нет, не каждого, – осклабился Ржанухин. – Одни голуби сами приходят, они знают, когда и куда. А других, особливых, старец отдельно приглашает и в других местах для них радения устраивает.

– Ну, хорошо, говори, куда и во сколько приходить? – заинтересовался Сафронов, почувствовав пробудившуюся тягу к приключениям.

– А вот сюда и приходи, – загадочно улыбаясь, Савва указал рукой на дом Лопырёва.

– А ты ничего не путаешь, Савва? – изумился Сафронов, проследив за направлением его руки.

– Нет, не попутал я, барин, – хмыкнул Савва. – Вот в эти самые хоромы, из которых ты только что вышел, и приходи.

14

В деревенском доме Звонарёвых с раннего утра суета. Матвей Кузьмич собирается на базар, в город. С пасмурным видом он ходит туда-сюда по избе, заглядывая в углы и всюду, боясь чего-то забыть. Рядом с мужем суетится Марфа Григорьевна.

– А деньги взял, Матюша? – спросила она, останавливаясь посреди избы и заглядывая мужу в глаза.

– Взял, взял, – хмуро ответил он. – Куда же я без денег.

– А ты хорошо их в одежду спрятал?

– Хорошо, не впервой.

– А еда вот, в узелочке, на столе лежит, – заботливо напоминает Марфа Григорьевна. – Тут тебе на весь день хватит. А что останется, не выбрасывай, домой вези.

Лёжа в кровати, Силантий с ухмылкой наблюдает за стариками. Он отлично понимает нервное состояние привыкших к тишине и покою деревенских жителей, для которых поездка в город – целое событие.

Закончив сборы, Матвей Кузьмич подошёл к окну и выглянул на улицу.

– Ты кого-то поджидаешь, отец? – поинтересовался Силантий, чтобы отвлечь старика от тревожных мыслей.

– Макарку поджидаю я, – буркнул отец, садясь на табурет у стола. – Не на метле же верхом мне скакать до самой Самары.

– Так ты не говорил мне, что за тобой кто-то заедет, вот я и спрашиваю, – вздохнул Силантий.

– У нас только Макарка почитай каждый день в город ездит, – сказал Матвей Кузьмич, продолжая смотреть в окно.

– А кобыла наша Сонька где? – неожиданно вспомнил Силантий. – Когда я на фронт уходил...

– Была, да сплыла, – отворачиваясь от окна, перебил его отец. – Когда ты на войну ушёл, погибла Сонька наша. Волки, заразы, ночью загрызли её прямо в стойле.

– А как же вы без лошади обходитесь, батя? – удивился Силантий.

– Привыкли уже, – помрачнел старик. – Будто у нас никогда коняги и не было.

Выслушав отца и будто вспомнив что-то, Силантий с трудом поднялся с кровати и подошёл к столу.

– Где пожитки мои, батя? – спросил он, усаживаясь на табурет.

– Где, где... Мать всё постирала, – хмуря лоб, буркнул отец.

– Как постирала? Почему не спросясь? – обомлел Силантий.

– Так одежда твоя грязной была и воняла смрадно.

– А вещмешок? В нём лежали вещи мои.

– В сундук его определила.

– Так носи его сюда, батя, – тронул его за плечо Силантий.

Не задавая вопросов, Матвей Кузьмич через минуту вернулся, держа в руках вещмешок.

– Вот, сынок, в целости и сохранности вещи твои, – сказал он. – Сам погляди, всё ли на месте. Мы с матерью не заглядывали в него.

Силантий плохо сгибающимися пальцами развязал вещмешок, достал из него свёрток и развернул его. У старика от вида его содержимого вытянулось лицо.

– С-сынок, что это? – прошептал он. – О-откуда у тебя б-богатство такое?

– Это, папа, не богатство, а всего лишь деньги, – ответил Силантий, беря пачку в руки. – Богатство – это жизнь человеческая. Ни за какие деньги её не купишь.

– А-а-а... – Матвей Кузьмич в сильнейшем волнении облизнул языком губы. – А откуда у тебя столько денег, сынок? Я жизнь прожил и никогда не видал эдакого изобилия.

– Раз не видал, то полюбуйся, покуда они есть, – усмехнулся Силантий.

– Да тут целые тыщи... – завороченно глядя на деньги, прошептал отец. – На них, почти-тай, весь город купить можно.

– Нет, такой покупки нам не надо, – отшутился Силантий. – А вот лошадь, телегу, еду и мази для меня ты сегодня купишь, а то я уже два месяца из избы не выхожу.

Со двора послышался лай собаки. За воротами остановилась лошадь с телегой, с которой сошла Марфа Григорьевна.

– Ну, всё, мне пора, – засобиравшись Матвей Кузьмич. – Вон матушка уже с Макашкой пожаловала.

Беря котомку и стараясь не смотреть на пачку денег в руках сына, он направляется к двери, но Силантий останавливает его.

– Сколько будет стоить лошадь с телегой вместе?

– Не знаю, сынок, – пожимая плечами, ответил обескураженно старик. – Должно быть, шибко дорого. Сейчас, говорят, цены на базаре ого-го какие!

Силантий отложил крупные купюры в сторону, выбрал несколько достоинством поменьше и протянул отцу:

– Большие не даю, подозрение вызовут.

Матвей Кузьмич берёт деньги и спешно прячет их в карман.

– А с теми, что останутся, как быть? – спросил он. – Потратить на что-то или обратно привезти?

– Это на твоё усмотрение, – ответил Силантий. – Покупай всё, на что хватит. Только внимания к себе не привлекай, чтобы у людей не возникло вопросов, откуда у старика деревенского сумма такая.

– Ну, так что, пойду я, сынок? – дрожащим голосом проговорил Матвей Кузьмич, беря котомку и пятясь к двери. – Макашка такой сукин сын: опоздаешь чуток, ждать не станет.

– Иди, раз так, – кивнул Силантий. – Деньги останутся, табака мне купи побольше. За эти два месяца, что я у вас в избе провёл безвылазно, уши опухли от желанья покурить.

– Так ты что, сынок, и зелье курить пристрастился? – удивился отец.

– На войне все вредные привычки полезными считаются, – заявил Силантий. – Водка и табак вредят здоровью только дома. А там, на фронте, когда того и гляди тебя убьют, водка и табак лекарство наипервейшее, нервы успокаивают.

Дверь вдруг открылась, и в избу вбежала Марфа Григорьевна.

– Ну, чего лямку тянешь, Матвей? – с укором сказала она. – Поспешай давай, покуда Макашка не уехал.

– Бегу, бегу, прощайтесь, – оживился старик. – Вечером ждите меня с покупками.

Он как на крыльях выбежал из избы и со всех ног поспешил к поджидавшей его телеге.

– Господи милостивый, да что это с ним? – глядя ему вслед, удивилась Марфа Григорьевна. – Будто хлопец молодой, козликом скачет?

– Значит, радуется чему-то отец, – усмехнулся Силантий. – Вот мы его и обспросим вечером, от чего у него прыти прибавилось.

* * *

Евдокия только-только вымыла в горнице пол и присела отдохнуть. Кроме неё, в избе больше никого не было. «Богородица» Агафья и сестра Мария уехали в Самару осмотреть дом, в котором собирались провести воскресное соборное радение с участием «важных» лиц. Андрон гулял во дворе, и ей выпала минутка побыть наедине со своими мыслями.

«Ну вот, снова тревога обуяла меня, – с тоской думала Евдокия. – Наверное, права Мария, говоря, что я сама притягиваю к себе все беды и несчастья. Всё не то и всё не так в жизни моей несчастной. И вера хлыстовская не приживается во мне, отторгается душой она и сердцем не воспринимается. А вот церковь так и притягивает меня, все помыслы мои к храму Божьему тянутся...»

Из сеней послышались тяжёлые шаги возвращающегося в дом старца, и Евдокия, востепенувшись, тут же схватила за ведро и тряпку.

Андрон вошёл в дом как всегда с суровым лицом и недовольным взглядом. Он исподлобья глянул на замершую Евдокию и, покачав головой, сказал:

– Сегодня соборное радение проводить буду, и ты присутствовать должна.

– Я всегда готова к радениям и всё подготовлю к вечеру, – тихо сказала Евдокия.

– Ты не поняла меня, голуба, и не дослушала, – с упрёком высказался старец. – Здесь радение «богородица» Агафья проведёт, а мы поедем туда, где она сейчас обряд готовит.

– Да, поедем, – чувствуя неладное, вздохнула Евдокия.

– Там, куда мы поедем, люди богатые и серьёзные соберутся, – продолжил Андрон. – Они всей душой и сердцем голуби наши, но им не можно вместе со всеми в радениях участвовать.

– Так разве мы не все равны на корабле нашем? – спросила Евдокия. – Вы же в проповедях вещаете, что...

Старец так взглянул на неё, что девушка тут же осеклась, замолчала и опустила голову.

– Не пристало тебе задавать мне вопросы эдакие, голуба! – морща лоб, повысил голос Андрон. – Но я тебе отвечу. На том свете, в Царстве Небесном, все равны будем. А сейчас мы в грешном мире живём. Здесь не каждому можно веру свою напоказ выставлять. Сейчас вера православная верховодит повсюду, а нам, людям божьим, приходится маленько остерегаться церковников.

– И... когда мне собираться? – дрогнувшим голосом спросила Евдокия.

– После вечерней трапезы готова будь, – ответил старец. – Час отъезда за столом озвучу.

* * *

После ухода старца переполняемая противоречивыми чувствами Евдокия вышла на крыльцо. После общения с Андроном у неё разболелась голова и захотелось подышать свежим воздухом.

«О Господи! Боже мой милостивый, – взмолилась отчаянно девушка. – Да когда же всё это закончится? Как я устала от всего, Господи, аж жить не хочется. Но почему эдакая доля выпала мне? Чем я провинилась перед тобой, Господи? Живу как в аду и просвета никакого не вижу. Что бы мне сделать, чтобы исчезнуть, испариться, умереть и не видеть больше этих...»

Открылась калитка, и во дворе появилась Мария. Отвлекаясь от горестных мыслей, Евдокия сошла с крыльца и с подавленным видом направилась ей навстречу.

– Чего это вид у тебя похоронный какой-то, Евдоха? – поинтересовалась Мария, пытаясь заглянуть ей в глаза. – Идёшь, как спутанная, еле ноги переставляешь.

– Какая есть, не переделаешь, – вздохнула Евдокия. – А чего это ты так рано приехала? Что, в доме том, где радения соборные будут, ты все дела переделала?

– Там слуг полный дом, без меня справятся, – улыбнулась Мария. – Так ты мне не сказала, чего пасмурная такая? Может, стряслось чего за время моего отсутствия?

– Нет, – поморщилась Евдокия, на мгновение представив ненавистное лицо старца. – Просто одна хочу я побыть, и...

Она замолчала, не закончив фразы, но Мария тут же продолжила за неё:

– Побыть одна и Богу помолиться, ты это хотела сейчас сказать, сестра?

– А если и так, тебе-то что с того? – огрызнулась, бледнея, Евдокия. – Тебе вон всё одно, а у меня не так, у меня всё по-другому.

Высказавшись, она развернулась, чтобы уйти, но Мария схватила её за руку.

– Ты опять с Андроном разговаривала? – предположила она. – И чего на этот раз тебе в его речах не понравилось?

– Он мне сказал, чтобы я вечером к радениям готовилась, – ответила Евдокия, мрачней.

– И чего ты взбеленилась, сестра? – удивилась Мария. – Всем же известно, что нынче воскресенье и все к радениям готовятся.

– Он о других радениях вещал, – с угрюмым видом сообщила Евдокия. – О тех, где богатые люди участвовать будут.

– И? Чего ты взбрыкиваешь? – улыбнулась Мария. – Это же хорошо. А ещё лучше будет, ежели он из них тебе «духовного мужа» подыщет.

– Если тебя это радует, то меня нет, – обиженно поджала губки Евдокия. – Я после слов Андрона себя гулящей девкой почувствовала.

– Эй, сестра, о чём это ты? – вскинула удивлённо брови Мария.

– О свальном грехе, вот о чём, – заливаясь краской, ответила Евдокия. – Я не хочу после радений в чьих-то мерзких объятиях в общей куче валяться. Я по-другому хочу – в чистой кровати, с мужем, Богом данным.

– Э-э-эх, дурёха, – вздохнула Мария. – Радуйся тому, чего есть. Богатый купец завсегда сто сот стоит. Ты вон на Нюрку глянь Крупнову, на Глашку Безрукову, а ещё на Соньку Рябову, на Пистемею Котову. Все они к купцам на радения ходят, и... Ты только погляди на них? Цветут и пахнут!

– А я не хочу, как они, – упрямо твердила Евдокия. – Я хочу...

Откуда-то со двора послышался голос «духовного мужа» Марии Никодима.

– Марья, где ты?

– Ой, мне пора, – заторопилась сестра, а Евдокия с унылым видом пошла в дом.

15

Гавриил Семёнович Лопырёв ужинал в полном одиночестве: жена лечилась в психиатрической больнице, а сын Влас где-то веселился и «бразничал».

Закончив есть, он тщательно вытер рот салфеткой и бросил её в тарелку. В столовую вошёл слуга.

– Чего тебе, Демид? – строго спросил Лопырёв. – Ну? Говори, с чем пожаловал.

– Да там Иван Ильич в дверь стучится, – ответил слуга. – Что делать прикажете?

– Гм-м-м, принесла нелёгкая, – поморщился Лопырёв. – Ладно,пусти, Демид, друга моего закадычного.

Появившийся Сафронов прошёл к столу и уселся напротив хозяина дома.

– Чаю не желаешь? – слащаво улыбаясь, предложил Лопырёв. – Извини, что выпить не предлагаю.

– Я не чаи гонять, а поговорить пришёл, – отказался Сафронов. Грубоватый тон, выбранный им для разговора, не смутил Лопырёва. Он только ещё шире улыбнулся и развёл руками.

– Вот гляжу я на тебя, Ваня, – заговорил он вкрадчиво. – Мы как будто и не расставались вовсе.

– Со дня, когда мы виделись, прошло пять дней, – напомнил Сафронов.

– Ай-я-яй, как много? – ухмыльнулся Лопырёв. – Так чего ты пришёл, Ваня? Опять на попойку меня подбивать? А может быть, сообщить, что передумал свою дочку за моего сына выдавать?

– Я не хочу свою дочь за сына хлыста отдавать, – заявил категорично Сафронов. – Я не хочу видеть свою Аннушку несчастной, ты хорошо меня услышал, Гаврила?

Слушая его, Лопырёв изменился в лице. Глядя на дверь, он крикнул:

– Полина, Авдотья, кто там? Самовар поставьте да лимончик и сахар несите!

Он перевёл взгляд на озабоченное лицо Сафронова и усмехнулся:

– Прознал-таки, Ивашка, что я с хлыстами дружбу вожу?

– Прознал, как видишь, Гаврюшка, – ответил Сафронов. – В тот же день прознал, как только из дома твоего вышел.

– Что ж, скрывать не буду, есть такой грех, – вздохнул Лопырёв. – А вот сын мой, Влас, ни сном ни духом не ведает о моём эдаком пристрастии.

– Трудно скрывать такое «пристрастие», – уколол его Сафронов. – Рано или поздно он всё равно узнает.

– Что ж, чему быть, того не миновать, – пожимая плечами, сказал Лопырёв. – А я и не собираюсь ни от кого прятаться и что-то скрывать. Мои желания для меня закон, а что обо мне думают другие, меня не заботит.

– А что за интерес такой тебя с хлыстами связывает? – полюбопытствовал Сафронов. – Я давно знаю тебя, Гаврила, но никогда не подумал бы, что ты вот так вот возьмёшь и поменяешь свои пагубные пристрастия на что-то другое?

– Видишь ли, старею я, Ивашка, – посетовал Лопырёв. – Да и ты не молодеешь тоже. В жизни я многое повидал и многое испробовал. И вспомнить есть что, да вспоминать «то» не хочется. А вот побывал я на радениях христоверов и всё под корень поменять захотелось.

– А в церковь сходить не пробовал? – усмехнулся Сафронов. – Как мне известно, именно там, в храме Божьем, чаще всего ищут спасения души заблудшие?

– Это как сказать, Ивашка, – вздохнул Лопырёв. – В церковь я ходил всю свою жизнь беспутную. Я привык к поповским проповедям и каялся и постился, но благодать небесная как-то обходила меня стороной. А вот побывал на радениях хлыстов, и сразу зацепило меня за живое. И на душе полегчало, и на жизнь свою я по-другому взглянул.

– И чем же зацепили тебя проповеди хлыстовские? – заинтересовался Сафронов. – Голосалиями или свальным грехом?

– И тем, и другим, – не стал отпираться Лопырёв. – Поют больно уж сладко девки хлыстовские. Проникновенно, одухотворённо, заслушаешься. Даже в церкви я такого пения не слышал. А грех свальный... Так это их религией не возбраняется, да и мне улада на душу.

Служанки поставили на стол самовар, пироги, порезанный тонкими дольками лимон и вазочку с кусочками сахара.

Лопырёв взглянул на часы и занервничал.

– Что, гостей ждёшь? – с едва уловимой издёвкой поинтересовался Сафронов.

– Жду, Ивашка, жду, – кивнул Лопырёв. – Их сегодня много ко мне пожалует.

– Так что, мне тогда уйти? – сузил хитровато глаза Сафронов. – Даже в необходимости женить своего сына на моей дочери убеждать меня не будешь?

– Буду, обязательно буду, но не сейчас, – поморщился Лопырёв. – Приходи завтра хоть с утра раннего, обещаю, весь день калякать будем и чай гонять.

– Нет, пожалуй, я останусь, – огорчил его Сафронов. – Мы сегодня ещё чаю не попили и пирогами не полакомились.

– Ну, давай не сегодня, – заёрзал на стуле Лопырёв. – Я же сказал, что ко мне гости вот-вот пожалуют и твоё присутствие может расстроить их.

– Это ты из-за хлыстов меня за порог выставить хочешь, Гаврила? – осклабился Сафронов. – Как я понимаю, у тебя здесь радение намечается?

У Лопырёва сморщилось лицо и отвисла челюсть.

– Хорошо, я тебя понял, ты не против, – вздохнул Сафронов, подставляя чашку под носик самовара. – Я остаюсь, Гаврила, гони не гони. Тем более меня сам старец Андрон на радения в твой дом пригласил.

– Чего-о-о? – округлил глаза Лопырёв. – Ты... ты...

– Да нет, не христовер я ещё, – подмигнул ему озорно Сафронов. – Но приглашение на радение я всё же получил.

* * *

Первыми в телегу уселись пять девушек, самые молодые сектантки, затем Евдокия Крапивина. Старец Андрон залез последним.

– Савва, трогай, – обратился он к Ржанухину, – нам к сроку поспеть надо, так что поспешай, голубок...

На радение к «большим людям» Евдокия ехала с тяжёлым сердцем и отрешённым видом. Она предчувствовала беду и не могла отделаться от этого гнетущего чувства.

Андрон сидел рядом с девушкой.

– Не тужи, голубка, – не поворачивая головы, обратился старец. – Всё хорошо будет. Ты впервой на радение к «большим людям» едешь, а они все богатые и порядочные.

– А мне-то что с того, – вздохнула сокрушённо Евдокия. – Они же придут не просто голоссалии слушать и в плясках радеть.

– Да, не только, – согласился старец. – И «свальным грехом» заниматься будете. Но уясни себе, голубка, что это не грех. И пусть тебя не страшит обряд этот. Взрослая уже.

– Я не могу так, – всхлипнула Евдокия. – Мне перед собой стыдно.

– Стыдно говоришь? – усмехнулся Андрон. – Ты что, первый день у нас гостюешь? Или проповеди мои слышать не приходилось?

– Всё знаю я, – шмыгнув носом, понуро опустила голову Евдокия. – Только не могу себя заставить. Противен мне обряд этот.

– А Иисус Христос никакого совета не даёт? – усмехнулся старец. – Ты же частенько в церковь бегаешь.

Услышав слова старца, Евдокия вздрогнула. Лишившись дара речи, она ещё ниже опустила голову.

– А знаешь, почему иконы не помогают тебе? – вздохнул Андрон. – Потому, голуба моя сизокрылая, что они деревянные. Лишь только я могу дать тебе правильный совет, и он будет действенный.

Евдокия с трудом сглотнула подкативший к горлу ком, но дар речи так и не вернулся.

– Я твой Бог, Евдоха, – повернув к ней голову, повысил голос старец. – А ты одна из нас, вот и помни всегда об этом.

– Всё я помню, – всхлипнула Евдокия. – Так что мне делать-то надо?

– Ничего особенного, – хмыкнул Андрон. – Ты будешь делать всё то, что и остальные. Вы все вместе будете распевать голоссалии, затем радеть скопом. А потом, в конце радений, когда все в кучу свалятся, с тобой рядом будет новенький. Он купец и очень полезный человек для нас.

Некоторое время они ехали молча. Старец, вернувшись из своих размышлений, неожиданно заговорил:

– Ты вот что, голубка моя, исполняй без капризов всё, что купец захочет. И помни, Евдоха, я назначу его твоим духовным мужем, и он всегда будет заботиться о тебе.

Евдокия выслушала Андрона со слезами на глазах. А потом, когда он замолчал, она горько всхлипнула и стала вытирать платком струящиеся по щекам слёзы.

* * *

За столом у Лопырёва уже дважды сменили самовар. Чаепитие продолжалось до тех пор, пока у ворот не остановились телеги приехавших на радение хлыстов.

– Ну вот, наконец-то, – сказал Лопырёв, привставая и выглядывая в окно. – Э-э-й! – закричал он в сторону двери, – убрать всё со стола долой, ж-ж-живо!

Сафронов посмотрел на часы, покачал головой и убрал их в кармашек жилетки, а Лопырёв поспешил встречать гостей.

Слуга открыл дверь, и в дом потянулись одна за другой привезённые Андроном девушки. Старец вошёл последним.

– Здрасьте вам наше, – поклоном головы поприветствовал он купцов. – А теперь дозвольте осмотреть горницу и определить, всё ли готово.

– Да-да, пожалуйста, – проблеял изменившимся от волнения голосом Лопырёв. – Горница вся к вашим услугам. Там всё готово, сами поглядите!

Андрон вошёл в горницу и приступил к осмотру. Он прошёлся туда-сюда и, удовлетворённо кивнув, вышел к ожидавшим его девушкам.

– Начинайте, голубки, – сказал он, обведя их взглядом, и они тут же взялись за дело.

Ржанухин с улицы закрыл ставни на окнах. Девушки тем временем приложили к окнам тюфяки, чтобы заглушить звуки радений. Андрон осмотрел комнату придирчивым взглядом и одобрительно кивнул:

– Всё, сионская горница готова, можно приступать.

– Как приступать? – воскликнул Лопырёв взволнованно. – Так не все же ещё приехали.

– А где они? – бросил хмуро Андрон. – Предупреждён каждый, и время назначено.

– Сейчас все соберутся, с минуты на минуту, – пообещал Лопырёв. – А я покуда охрану пойду проверю, чтобы не было никаких неожиданностей.

Девушки, готовясь к радениям, натягивали на себя белые рубахи. Сафронов украдкой, через щель в двери, не сводил восхищённых глаз с Евдокии, упиваясь её красотой.

Старец Андрон крадучись приблизился к нему и вкрадчиво поинтересовался:

– Как она тебе, Иван Ильич, голубка наша?

Сафронов вздрогнул от неожиданности, но быстро справился с испугом.

– Хороша, ничего не скажешь.

– И ты хочешь обладать ею, барин? – прошептал Андрон.

– Да, хочу, – прошептал обескураженно Сафронов.

– Но для того ты должен вступить на корабль наш своей стопою, Иван Ильич, – прошептал старец. – У нас распутство не приветствуется. Чтобы обладать голубкой нашей, ты должен стать ей «духовным мужем».

– Кем? – вскинул брови Сафронов.

– «Духовным мужем», вот кем, – не замедлил с ответом старец.

– А как я могу стать ей «духовным мужем»? – ужаснулся Сафронов. – Я женат уже и в церкви венчан.

Андрон взял его доверительно под руку и отвел в сторону. Они остановились в углу у закрытого тюфяком окна.

– Все венчанные супруги, взошедшие на наш корабль, прекращают свои брачные отношения, – заявил старец. – Взамен мужчины получают «духовных жён», а женщины, стало быть, «духовных мужей».

Сафронов изумился:

– А Марину Карповну мою, с которой я повенчан, куда девать?

– Да пёс с ней, – ухмыльнулся старец. – По тебе вижу, что ничего тебя с супругой мирской уже не связывает. Вот и живи с ней как живёшь, каждый своей жизнью.

– А с «духовной» как быть? – удивился Сафронов. – Не приведу же я домой свою «духовную супругу».

– Нет, конечно, – усмехнулся Андрон. – Ты же не басурманин с несколькими жёнами зараз жить. Да и не поймут тебя миряне. Твоя «духовная жена», барин, со мной, в общине, как жила, так и жить будет. А встречаться с тобой она будет только на радениях.

– Получается, что я буду только любоваться ею, и всё? – возмутился Сафронов.

– Но почему же, – осклабился Андрон, – плотские связи с «духовными жёнами» не есть грех. Здесь проявляется уже не плоть, а духовная «христова» любовь.

– А кто у вас, «на корабле», может становиться «духовными жёнами»? – полюбопытствовал Сафронов.

– Те, кого я назначу, больше никто, – не моргнув глазом, ответил старец.

Из горницы слышались звуки множества голосов, и старец закончил беседу с Сафроновым.

– Так ты с нами, барин, или нет? – спросил он. – Решай прямо сейчас, иначе...

В дом стали заходить люди. Они раздевались и заполняли горницу. Старец выжидательно смотрел на Сафронова.

Купец в замешательстве не решался дать утвердительный ответ. Он окинул горницу блуждающим взглядом и остановил его на Евдокии. В белой рубахе девушка прекрасна как никогда. Понимая, что в случае отказа «взойти на корабль» ему никогда не обладать красавицей, Сафронов посмотрел на застывшее в ожидании лицо старца:

– Будь по-вашему, я согласен.

* * *

Переоблачившись в белую до пят рубаху и страдая от нерешительности, Сафронов вошел в горницу и занял место среди сектантов. Он был удручён и чувствовал себя неудобно.

Хлысты не обращали на него внимания, с нетерпением дожидаясь старца Андрона. Несколько минут спустя он с важным видом вошёл в горницу, и... Хлысты как по команде упали на колени и протянули к нему руки.

– Христос! Христос! – закричали они возбуждённо. – Благослови! Благослови нас, Христос!

Старец никого благословлять не стал. Он лишь поднял вверх обе руки, и толпа сектантов разом утихла.

– Голуби мои, люди божьи! – обратился он к adeptам. – Нет больше радости, когда на корабль наш ступает новая обращённая душа. Восславим же её приход голоссалиями и радением!

Выслушав его обращение, хлысты быстро выстроились в круг. Кто-то вытолкнул замешкавшегося Сафронова в центр, и Андрон начал громко читать «божественную» проповедь.

– Как гласит вера наша, Иисус Христос не родился естественным образом, а был духовным сыном Девы Марии! – заговорил старец проникновенно. – А вот попы из церкви православной, эти чёрные вороны в рясах, эти кровожадные звери, волки злобные, безбожные иудеи, злые фарисеи, ослы сопатые – всё переиначивают!

Он указал рукой на притихшего Сафронова и продолжил:

– Сегодня наши радения я посвящаю «приводу» голубя на корабль нашенский. Сейчас он даст нерушимую клятву хранить тайну нашего учения, не объявляя её ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому!

Старец поднял вверх правую руку и строго посмотрел на Сафронова.

– Клянись соблюдать тайну о том, что увидишь и услышишь в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякого насилия!

Лица присутствующих обратились на потрясённого происходящим Сафронова. И, будто попав под власть непреодолимых чар, он, не слыша собственного голоса, выдохнул:

– Клянусь.

Услышав его, старец оживился и обратился к adeptам ещё более возвышенно:

– Наш новый голубь, ступивший на корабль только что, женат и обвенчан в церкви православной! Так вот что я скажу ему – все попы поганцы и любодееи потому, что они женаты. Брак и крещения православные есть осквернение. Те, кто вступает в брак по церковным канонам, сознательно губят свою душу. Всем обвенчанным до прихода к нам с женою жить не возбраняется, но только как с сестрою. А у нас дозволяется иметь двух духовных жён. Плотские связи с ними обеими не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная, «христова» любовь!

Сафронов ошарашенно слушал ересь, изрыгаемую Андроном. Он потрясён, угнетён и раздавлен. Едва живой, он стоял в центре круга, во все глаза глядя на старца и пытаясь понять – шутит ли тот или говорит всерьёз.

– А сейчас начинаем радения голоссалиями, – вдруг, как из тумана, донёсся голос Андрона. – Будем радеть до тех пор, пока святой дух не снизойдёт с небес в каждого из нас, так как мы, все здесь собравшиеся, люди избранные.

В горнице стало происходить невообразимое. Круг, в котором стоял Сафронов, распался, и хлысты расселись по лавкам, стоявшим вдоль стен. Большинство свечей погасили, и горница погрузилась в полумрак.

Под ритмичное пение, сопровождаемое похлопыванием тактов по колену, то один, то другой сектант выходили на «радельный круг» и пускались в пляс. От всего этого у Сафронова кружилась голова, но он не мог себе позволить встать и уйти.

Хлысты вдруг вскочили разом и встали в круг. Распевая голоссалии, они плавно покачивались, стоя на месте. Но это длилось недолго. Через короткий промежуток времени круг стал оживляться и расширяться.

Затем, как по взмаху волшебной палочки, «хоровод» радеющих сектантов распался. Образовав пары, хлысты запрыгали по горнице туда-сюда. Вскоре и пары распались. Хлысты пошли в пляс по одиночке. При этом они выкрикивали голоссалии с выпученными от натуги глазами.

Шум, визг, стоны переполняли горницу, и среди всего этого хаоса можно было разобрать лишь истеричные выкрики: «ой, бог!», «ой, благодать!», «он, он святой дух!».

Сафронов схватился за голову. Ему с каждой минутой всё больше и больше казалось, что он сходит с ума. Переполняемый отчаянием, он закрыл глаза, и крик вырвался из его груди.

Андрон, расталкивая других, поспешил к нему.

– Кричи, ори, не стесняйся, голубок! – зашептал он в ухо находящегося в истеричном состоянии Сафронова. – Не жалея себя, барин! Волосы рви, рыло царапай, чтобы громче вопль исторгался из нутра твоего! Благодать на тебя нисходит аж с седьмого неба, благода-а-а-ать!

Пелена заволокла глаза, но Сафронов увидел, как Андрон вошёл в круг и сбросил с себя одежду. Оставшись в чём мать родила, он стал кружиться и приседать, ударяя ногами в пол. Следуя его примеру, хлысты стали срывать с себя одежду и в обнажённом виде прыгать, кричать, визжать, радоваться и жестикулировать. Затем женщины распустили волосы и бросились к мужчинам с объятиями и поцелуями.

Сафронов с протяжным стоном закрыл глаза и стал оседать на пол. С ним рядом вдруг появился старец Андрон, держа за руку бледную Евдокию. Старец сорвал с неё одежду, схватил за волосы и повалил на распростёртое тело Сафронова.

– Вот он, муж твой духовный, Евдоха! – процедил он сквозь зубы. – Теперь ты его до скончания века, а я, Христос твой, повелеваю тебе исполнять, как есть, все его запросы и прихоти...

Тем временем в горнице погасли свечи, обессиленные хлысты свалились на пол, отовсюду слышались стоны. Это пришло время кульминационного завершения радений, называемого свальным грехом.

16

Шла зима 1916 года.

Силантий Звонарёв курил в сенях самокрутку, с грустью наблюдая за чистившими во дворе снег родителями. Страшные ожоги, изуродовавшие его руки, не позволяли ему работать физически.

Мягкие хлопья снега падали на крыши домов и устилали двор и дороги. Вокруг было тихо. «Ничего, потерпите немного, – думал Силантий, глядя на стариков. – Весной я изменю вашу жизнь. Перевезу из села в город, дом добротный там куплю, а сам уеду. Далеко, в Китай поднебесный. Там здоровье свое поправлю, от ожогов избавлюсь и снова в Самару вернусь. А там...»

Его мысли прервало появление самого богатого человека в деревне Макара Куприянова. Силантий поправил наброшенный на плечи старенький тулуп, нахлобучил пониже на лоб шапку и вышел из сеней. Стараясь не привлекать внимания гостя, он осторожно прикрыл за собой дверь и, прижавшись к ней спиной, с интересом стал наблюдать за встречей соседей.

Куприянов медленно приблизился к воткнувшему в снег лопату Матвеем Кузьмичу и протянул для пожатия руку.

– Доброго здоровьица, сосед, – сказал он. – Вижу, снежок вон кидаешь? Много его нынче выпало, ох, как много.

– А ты чего прохлаждаешься, Макарка? – поинтересовался старик. – У тебя на дворе снега меньше, чем у меня выпало?

– Уж не скажи, – ухмыльнулся Куприянов. – У меня почитай двор твоего больше и, стало быть, и снега в него больше упало.

– Так с чем ты ко мне пожаловал? Не снег же покупать, раз своего достаточно.

– Вижу, и ты не последний хрен без соли доедаешь? – парировал Куприянов. – Лошадку вон какую прикупил. Моя клячей в сравнении кажется.

– Так продай свою и такую же купи? – продолжил соревнование в остроумии Матвей Кузьмич. – У тебя же денег куры не клюют, а ты всё приbedняешься.

– Это злые языки меня богачом выставляют, – «заскромничал» Куприянов. – А я такой, как все. Не богатшибко, да и не беден. А вот ты на какие шиши приборахлаешься? Почитай самый нищий в деревне был, а сейчас вдруг самый богатый.

– Да где там, – вздохнул старик. – Денег на лошадь мне сыночек дал. Он у купца богатого приказчиком состоит. Сам живёт не тужит и нас с матерью не забывает.

– А ты ври-ври, да не завирайся, Матвей, – не поверил ему Макара. – Старший твой сын в Астрахани живёт. Настрогал детишек косой десяток и едва концы с концами сводит.

– Да я тебе про второго говорю, – замялся Матвей Кузьмич. – Он же в Оренбурге...

– А третий и четвёртый? – грубо перебил его Куприянов. – Пантелей с Гурьяном где, сучьи дети? Они ещё с каторги случаем не возвратились? Как я помню, убили они в Самаре купца Лукьянова, все денежки из его избы вынесли. А ведь немало было денег-то. Сыновей твоих окаянных на каторгу осудили, а денег ведь так и не нашли?

– По напраслине их обвинили, сыночков моих, – помрачнел Матвей Кузьмич. – Это ты указал на них тайно, Макарка, вот их и загребли.

– Э-э-э, да будя чад своих выгораживать, Матвей? – повысил голос Куприянов. – Тати они, и сказ весь! А ты, чую, раскопал их кубышки, вот и живёшь, как барин, и в ус не дуешь.

– А ну вон со двора моего, аспид! – возмутился Матвей Кузьмич. – Ты чего это сыночков моих лаешь? Они горюшко мыкают где-то в Сибири кандалной за грех чужой, а ты...

– Хорошо, хорошо, ухожу я, – попятился Куприянов, видя, что старик Звонарёв берётся за черен воткнутой в снег лопаты. – Только упрядить тебя хочу, Матвей, напоследок. Донесу я

на тебя уряднику в полицию. Пушай придут и поглядят, на какие шиши ты богатством обрас-таешь.

– Постой, обожди, Макар Авдеевич, – испугался старик. – Не надо никуда доносить. Ежели хочешь, коня своего отдам с телегой вместе, но только не доноси на меня уряднику.

– Что ж, считай, что уговорил, – согласился Куприянов «великодушно». – Конь твой мне понравился. Так и быть, не пойду пока к уряднику. Обманешь, то не взыщи...

Он развернулся и зашагал к выходу со двора и вскоре исчез за воротами.

Напуганный старик заспешил в дом. Следом за ним зашла и Марфа Григорьевна. Она не участвовала в разговоре, но по её лицу было видно, что она всё слышала.

Силантий встретил их, сидя за столом.

– Ой, горе-горюшко камнем свалилось на головушки наши! – с порога заголосил несчаст-ный старик. – Ой, Макарка, поганец глаз завидуший на добро наше положил!

– Что же делать теперь, Господи! – вторя ему, заголосила Марфа Григорьевна. – Макарка-то, аспид, с урядником полицейским Маркелом дружбу водят! Они же нас изничтожат, нехри-сти проклятущие! Они же нас вслед за сыночками на каторгу упекут?

Силантий не выдержал горестных стенаний родителей и ударил кружкой по столу.

– Угомонитесь! – прикрикнул он на обомлевших стариков. – И коня с телегой вести к нему не надо! Я сам встречусь с ним и по душам поговорю.

– А что проку в том? – всхлипнула Марфа Григорьевна. – Разве Макарку теперь остано-вишь?

– Я это сделаю, – заверил Силантий родителей сурово. – А как, не ваша забота.

– Сынок, родненький, да он и слушать тебя не станет? – всплеснула руками Марфа Гри-горьевна. – Ступишь на порог, так он тебя взашей выставит. Ты же вон убогий, хворый весь, а Макарка... Этого борова паскудного оглоблей не перешибёшь.

– Не сумлевайтесь, родители, я найду способ его урезонить, – хмыкнул Силантий, сво-рачивая самокрутку. – Вы мне, помнится, говорили, что сосед ваш частенько в город ездит?

– Через день, – кивнул Матвей Кузьмич, – а то и каждый день.

– А после своих базарных дел он по какой дороге возвращается? – задумался Силантий.

– Да какая сейчас дорога, сынок? – вздохнула Марфа Григорьевна. – Просека в снегу, санями наезженная. И одна она у нас, не заблудишься.

– А возвращается он, когда небеса темнеют, – продолжил обеспокоенно старик. – Только для чего это тебе знать понадобилось, скажи?

– Встречу его на дороге и поговорю, чтоб из избы за порог не выставили, – признался Силантий. – Да и домочадцев его пугать неохота безобразным видом своим.

– Ты что же задумал, сынок? – простонала Марфа Григорьевна. – Мало ли тебе на войне досталось? Да он тебя зараз на каторгу упечёт вслед за братьями.

– Тогда давайте беды от него терпеть?! – зло усмехнулся Силантий. – Отдадим ему коня с телегой и что? Думаете, он на этом успокоится и отстанет от вас?

– А может, возьмёт он коня да угомонится? – проговорил нерешительно Матвей Кузь-мич. – А тебе... Не надо греха брать на душу, сынок?

– У-у-ух, я уже столько грехов взял на душу, батя, что она внутри меня по швам трещит от изобилия, – вздохнул Силантий. – Так что одним грехом больше мне без разницы.

– Нет, не ходи никуда, сынок! – взмолилась мать. – Не зли зазря этого беса Макарку!

– Это уже не вам решать, родители, – сказал как отрезал Силантий. – Мать, ну-ка стол накрывай да щей наливай. Проголодался я нынче что-то, аж желудок сводит, однако...

17

Савва Ржанухин потянул за вожжи и остановил лошадь. Евдокия Крапивина сошла с саней и осмотрелась. В тёплой шубейке, в повязанном по-старушечьи пуховом платке, она топталась на месте, дожидаясь, когда Савва уедет.

Когда сани скрылись из виду, девушка свернула на другую улицу и поспешила с оглядками в направлении церкви.

* * *

К её приходу молящихся внутри огромного соборного храма было немного. Трижды перекрестившись и отвесив поклоны, Евдокия прошла к правому пределу и остановилась перед иконой Николая Чудотворца. Глядя на лик святого, она снова трижды перекрестилась и бросила беглый взгляд на батюшку.

Он стоял к ней спиной на амвоне и певучим звонким голосом читал молитву. Батюшка был молод и красив, и Евдокия давно обратила внимание на его приятную притягательную внешность.

В это утро девушка молилась особо горячо, позабыв обо всём на свете. Она обращалась к ликам святых, моля их о прощении всех своих вольных и невольных грехов и прегрешений. Она просила святых заступиться за неё перед Господом Богом и позаботиться о воюющем где-то муже.

Шепча молитвы, Евдокия во все глаза смотрела на иконы. Ей казалось, что святые говорят с ней, и она сердцем, как губкой, впитывала благодать, исходящую от икон, и никак не могла насладиться ею.

Евдокия пришла в себя после окончания службы. Батюшка как раз приступил к совершению обряда поминовения по безвременно погибшим на войне. В другой части храма еще один священнослужитель начал крестить детей. А молодой батюшка вдруг подошёл к Евдокии и, глядя ей в глаза, улыбнулся.

– Я тебя иногда вижу в стенах храма, сестра, – произнес он чистым, проникновенным голосом, заставившим затрепетать и сжаться сердце Евдокии. – И всегда читаю я на лице твоём горе и печаль. Может быть, ты желаешь исповедоваться, но не можешь решиться на это святое таинство?

– В-вы п-правы, б-батюшка, – растерялась Евдокия. – Я редко прихожу в стены храма... Только когда невольно становиться. Ходила бы чаще, да нет такой возможности.

– Вижу, ты в секте хлыстов состоишь, сестра? – ненавязчиво поинтересовался батюшка. – А может быть, скопцов, что ещё хуже. А ещё читаю я на твоём лице, что тебе там несладко приходится.

Глядя на батюшку и слыша его проникновенный, волнующий её голос, Евдокия вдруг почувствовала потребность всё рассказать ему. Но старец Андрон требовал от адептов никогда никому ничего не говорить, что происходит в стенах секты.

– Да, я христоверка и не отрицаю этого, – вздохнула девушка. – А в храм Божий влечёт меня обречённость. Я хочу стоять в толпе прихожан храма, креститься, молиться, ставить зажженные свечи перед иконами, а после ощущать внутри себя благодать душевную.

– Значит, сознание твоё ещё не погубила до конца сектантская короста, – улыбнулся батюшка. – Ты бы причастилась, сестра, исповедовалась и покаялась перед Богом в грехах своих? Господь наш человеколюбец. Он выслушает тебя, поймёт и простит, как поступает со всеми заблудшими душами.

– Нет-нет, не могу я так? – испугалась Евдокия. – Я уже год как христоверка. Теперь община моя семья.

– Семья твоя дома должна быть, а не на «корабле» хлыстовском, – вздохнул батюшка. – Или здесь, в стенах храма, всегда ждут тебя любовь и понимание.

– Нет у меня семьи и дома тоже нет, – смутилась Евдокия. – Родители как выдали меня замуж, так крест на мне поставили. А когда узнали, что в христоверах я, то и вовсе порог избы переступить запретили.

– Я подумаю, как помочь тебе, – сказал задумчиво батюшка. – Но моя помощь будет действительна лишь тогда, если ты сама этого захочешь. А сейчас прости, занят я. Но ты всегда можешь меня здесь найти.

Поклонившись Евдокии, он отошёл к двум старушкам, терпеливо дожидавшимся его в стороне, а Евдокия, поправляя на голове платок, направилась к выходу.

* * *

В домашнем кабинете купца Сафронова полная тишина. Иван Ильич с запрокинутой головой и с закрытыми глазами дремлет в кресле. Лицо его выглядит спокойным. В кресле напротив, с книгой в руках, расположилась Марина Карповна.

Открылась дверь, и в кабинет вошёл Лопырёв. При его появлении Марина Карповна встала с кресла и тронула мужа за плечо:

– Ваня, проснись, к тебе Гавриил Семёнович пожаловал.

Сафронов встрепенулся, с трудом открыл глаза и обвёл кабинет бессмысленным блуждающим взглядом.

– Иван Ильич, Ваня, да что это с тобой? – воскликнул гость, стараясь выглядеть бодро и непринуждённо. – Ты выглядишь побитой собакой, дружище?

– Я не только выгляжу, но и чувствую себя побитой собакой, – с усилием ответил Сафронов.

– Ничего не понимаю, – разводя руки, вздохнул участливо Лопырёв. – Ты же здоровый мужик, Ваня. Когда ты упал тогда на пол, я сначала подумал, что ты выкидываешь какой-то крендель. А потом, когда закатил ты, как девица, глазёнки, я грешным делом подумал, что душа из тебя вон.

– Я ничего не помню, – закрывая глаза, прошептал Сафронов. – Будто в яму провалился...

Марина Карповна подошла к столу, взяла в руки графин, но он оказался пуст. Вздохнув и покачав головой, она вышла из кабинета.

– Да-да, Марина, сходи, пожалуйста, за водичкой да задержись на кухне некоторое время, – слащаво улыбаясь, проговорил вслед Лопырёв. – Мне с Иваном Ильичом кое-какие неотложные делишки обсудить надо.

Услышав его, Марина Карповна обернулась, смерила гостя презрительным взглядом и гордой поступью вышла из кабинета.

Как только за ней закрылась дверь, Лопырёв набросился на Сафронова с упрёками.

– Ну и наломал ты дров, Ивашка! О-о-ох, и наломал! – заговорил он раздражённо. – Чуток бы, и всё... Мы-то изначально подумали, что на тебя благодать снизошла небесная, а ты... Я к доктору тебя велел доставить, и он едва спас тебя от смерти.

– Так разве я мог помыслить, что эдакая оказия со мной случится, – прошептал Иван Ильич. – Свет померк в глазах, и вот... Извини, больше ничего не помню.

Заломив за спину руки, Лопырёв прошёлся по кабинету. Затем он вернулся в кресло и, подавшись вперёд, всмотрелся в лицо Сафронова.

– А девка та, которую старец женой твоей духовной назначил, легла с тобой рядышком, – злорадствовал он, стараясь сделать большее и без того страдающему от недуга Сафронову. – Она ко всему была готова, а ты...

– И этого я не помню, – облизнув губы, прошептал Иван Ильич. – Лишь туман и мрак в голове.

– Ты уже два месяца на корабль не заглядываешь, – перешёл на зловещий шёпот Лопырёв. – Старец беспокойство проявляет.

– А-а-а, так это он тебя ко мне прислал, – через силу усмехнулся Иван Ильич. – Сам-то ты и не думал меня навестить и о здоровье моём справиться.

– Не надо выдумывать, не так всё было, – помрачнел Лопырёв. – Я несколько раз повидать тебя пытался, да доктор не позволял. Да и супруга твоя в дом меня не впускала.

– Верю, Марина моя такая, – ухмыльнулся Иван Ильич, с теплотой подумав о жене. – Такой уж у неё характер.

– Старец тебя видеть желает, – хмыкнул Лопырёв. – Дело у него неотложное появилось.

– Скажи, что я ещё болен, – поморщился Иван Ильич.

– Я с доктором разговаривал, – потягиваясь, сказал Лопырёв. – И он заверил меня, что скоро хворь с тебя сойдёт. А старец девку твою от всех оберегает. Так что выздоравливай поскорей, Ивашка. Время твоё на небеса отправляться ещё не пришло.

В кабинет вернулась Марина Карповна с полным графином, и мужчины прекратили разговор.

– Ну, всё, Иван Ильич, нам пора прощаться, – засобирався Лопырёв. – Так что мне передать Андрону?

– Передай, что я рад буду с ним встретиться и обсудить все дела, – закрывая глаза, сказал Сафронов. – Но только...

Недосказанную фразу за него закончила, наливая из графина в стакан воду, Марина Карповна:

– Иван Ильич займётся делами, когда сможет обходиться без посторонней помощи. А сейчас ему надо принимать лекарства и ложиться в постель. Дела, они и есть дела. Мы все помрём, а они останутся.

18

Лошадка легко бежала по накатанной в снегу дороге. В санях, на ворохе сена, возлежал в тёплом тулупе Макар Авдеевич Куприянов.

Когда до деревни осталось несколько километров, лошадь неожиданно занервничала и стала сбавлять ход. Необычное поведение животного насторожило Куприянова.

– Эй, что с тобой, коняга? – забеспокоился он. – Волков, что ли, почуяла, животное безмозглая?

Привстав, Куприянов извлёк из-под себя ружьё, проверил в стволах патроны и осмотрелся.

– Волков вроде не видать, – успокаивая себя, проговорил он. – И впереди на дороге я никого не вижу. Эй, коняга, а ну поспешай. До деревни уже рукой подать, и мы с тобой изголодались, да и намёрзлись тоже.

Он подстегнул лошадь вожжами, но она продолжала упрямиться.

– Эй, да что на тебя нашло, животное? – воскликнул возмущённо Куприянов. – Желаете, чтобы я взял кнут и хлыстал тебя для поднятия прыти?

Он отложил ружьё в сторону, взял кнут, замахнулся, и вдруг... Кто-то вырос сбоку из сугроба и запрыгнул к нему в сани.

У Куприянова душа ушла в пятки. Он не понял, что случилось, и инстинктивно попытался отбиться от «попутчика». Не зная, с кем имеет дело, с человеком или зверем, содрогаясь от ужаса, Макар истерично завопил:

– Э-э-эй, кто ты? Э-э-эй, чур от меня, чур!

Тяжелый удар по голове, и Куприянов, хрипя и дёргаясь, потерял сознание.

* * *

Куприянов открыл глаза и поморщился от сильной головной боли. Он попробовал пошевелить руками и ногами, но они были крепко связаны. Закрыв глаза и преодолевая боль, он попытался сосредоточиться. Сидящий впереди человек управлял лошастью.

– Эй, ты, – прохрипел он в спину вознице, – кто ты такой? Почему ты напал на меня, и...

Управлявший лошастью незнакомец услышал его и крикнул, не оборачиваясь:

– Кто я? А демон я неприкаянный! Ловлю ночами людишек заблудших и на погибель их веду!

Услышав ответ, Куприянов затрясся от страха. У него всё пересохло в горле, и зубы застучали как палочки по барабану.

– Э-э-эй, разбойник! – позабыв о головной боли, завопил он. – А ну останавливай лошадь и освобождай меня от пут.

– Не ори, не мешай мне думать, как сгубить тебя, грешник! – прикрикнул на него незнакомец. – Или в поле завезти подальше от дороги и засыпать снегом вместе с санями и конём? А может быть, в лес податься и волкам отдать на съеденье? Что выбираешь, скажи?

Куприянов промолчал. У него пропал голос. Спазм парализовал горло, и он едва дышал.

– Молчишь, сквалыга? – захохотал возница. – А я знаю, что с тобой сотворить! Я сейчас прокачу тебя с ветерком, да так, чтобы дух из тебя вылетел вон. Ежели не подохнешь, то в реке утоплю! Как, нравится тебе эдакое моё решение?

Он замахнулся кнутом и с силой хлестнул по крупу лошадь. Не привыкшая к такому обращению, она взбрыкнула от боли и помчалась вперёд, закидывая задние ноги.

– Придержи, не губи скотиняку, враг! – обрета дар речи, завизжал в панике Куприянов. – Я ж... Я ж...

Полозья обо что-то ударились, сани подпрыгнули, и он едва не вылетел из них в придорожный сугроб.

– Что, не навалил в штаны ещё, супостат? – хохоча, прокричал возница. – Видишь, какое я тебе удовольствие оказываю перед смертушкой лютой? Мчишься по снежку, да в лёгких саночках! Сейчас ходу прибавлю, и небеса в овчинку покажутся, а земляца колесом пойдёт! Вот это езда, дух захватывает! Там, в аду кремешном, ты ещё долго вспоминать её будешь!

Громко хохоча, он безжалостно хлыстал кнутом лошадь, и она, обезумев от боли, неслась во всю прыть, на которую только была способна.

– П-придержи... н-не губи, – простонал Куприянов. – Ты же не только меня, но и себя угубишь.

– Придержать? – прекратив хохотать, ухмыльнулся возница. – Да ты что? Я не могу отказать себе в удовольствии мчаться сравнимо с ветром!

Куприянов в отчаянии хватается связанными руками за бортик саней.

– Чего ты хочешь от меня, разбойник? – хрипит он сорванным голосом. – Ты же неспроста меня эдак допекаешь.

– Тебя в аду допекут, собака! – выкрикнул возница. – А я лишь покатаю тебя, вдосталь потешусь, и... А ну держись, душа вражья!

Куприянов больше не кричал. С закрытыми глазами он, съёжившись на дне саней, причитал и молился. Мимо с большой скоростью проносились деревья, сани неслись уже вдоль речного берега.

– Ну что, по сердцу тебе поездка наша? – точно из колодца, прозвучал вдруг голос возницы. – Сейчас так похлещу твою коняку, что крылья у неё вырастут!

– Постой, уймись, проси, что надо, тать? – взмолился едва живой от страха Куприянов. – Я всё отдам тебе... Всё, всё, что только попросишь. Только останови лошадь, ради Христа останови!

– Рад бы, да не могу! – будто не слыша его мольбы, продолжил издеваться возница. – Я же не Господь Бог, а демон! Это Бог прощает кающихся грешников, а я... Я гублю их плоть, а души с собой в ад забираю!

С громким хохотом он щёлкнул кнутом и хлестанул вдоль спины лошадь. Несчастное животное взвилось на дыбы и рванулось вперёд, едва не опрокинув сани.

– Оставь, останови лошадь, бесовское семя! – скулил в отчаянии Куприянов. – Богом молю, останови! Я же... Я же ничего тебе не сделал...

– Что, не помогают молитвы, грешник? – прокричал возница, замахиваясь кнутом. – Бог помогает чистым душою людям, а не таким, как ты, хапугам и завистникам!

Торчащие из сугробов верхушки колючих кустов чилиги хлытали Куприянова по лицу и связанным рукам. Свистел, щёлкал кнут в руках демонического возницы, и сани мчались в чёрную ночную мглу. Куприянов кричал в отчаянии и подпрыгивал в санях, как мячик. Подгоняемая кнутом обезумевшая лошадь мчалась вперёд, и вдруг... Резким рывком она свернула влево. Бешеный темп швырнул сани в сторону и... С замирающим сердцем Куприянов осознал, что вместе с санями он проваливается в бездну.

* * *

Настала полночь. В окнах деревенских изб давно погасли огоньки, и только в избе Звонарёвых горели лампадка у икон и свеча на столе.

Матвей Кузьмич и Марфа Григорьевна со слезами на глазах молились. Обращаясь к святым, они просили их образумить «ополоумевшего» сына, который ещё с вечера оделся потеплее и куда-то ушёл.

Закончив молиться, они встали с колен и ещё некоторое время стояли, глядя на иконы и думая каждый о своём.

– Кабы знать, где сейчас Силашка наш, – вздохнув и перекрестившись, первым прервал молчание Матвей Кузьмич. – Ни словом, ни полсловом не обмолвился, куда подался и по какому делу пошёл.

– Сердцем беду чую, – всхлипнула Марфа Григорьевна. – Сдаётся мне, что сынок наш, неслух, к Макарке-злыдню подался, чтоб ему пусто было.

– И я эдак же кумекаю, – выслушав супругу, вздохнул Матвей Кузьмич. – Что там сыночек наш преподобный учинит, ума не приложу. Но Макарка нас опосля всех со свету сживёт.

– Он будто с цепи сорвался, сыночек наш, – вытирая кончиками платка выступившие из глаз слёзы, посетовала Марфа Григорьевна. – На войну уходил, такой ласковый был добрый, а сейчас? Сейчас я не только глядеть на него боюсь, но и стоять рядом тоже.

Матвей Кузьмич с унылым видом подошёл к столу, уселся на табурет и сложил перед собой руки.

– Все на войну уходят хорошими да пригожими, – вздохнул он, – а возвращаются зверями лютыми. Война, матушка, это зло, всюду горе и смерть сеет. Вот такая жизнь пёсья и делает из добрых людей жаждущих крови убийцев.

Марфа Григорьевна присела перед мужем за стол и сложила перед собой руки.

– А деньжищ сколько Силашка с собой привёз, отродясь столько не видывала, – шёпотом заговорила она. – Как увидала я деньги-то его, аж чуть на пол не рухнула.

– Забудь, – поморщился Матвей Кузьмич. – Это его деньги, вот пусть и распоряжается ими как захотит.

Некоторое время старики молчали в глубокой задумчивости и, не мигая, смотрели на стол.

– Вот вспомнил сейчас, что Силашка наш вовсе не праведником, а бедовым мальцом рос, – расправил плечи Матвей Кузьмич. – Завсегда что-нибудь эдакое выкидывал.

– А я его другим помню, – вздохнула Марфа Григорьевна. – Ласковым и добрым. Силашка наш ещё в отроческие годы всё знал и всё умел.

– И красив был, будто девка красная, – поддакнул Матвей Кузьмич. – Не под стать братьям старшим.

С улицы послышался лай собаки, а затем стук в дверь. Старики недоумённо переглянулись.

– Матвей, глянь кто там? – испуганно пролепетала Марфа Григорьевна. – Уж не сыночек ли наш возвернулся?

– Ежели Силашка бы пришёл, то собака не лаяла бы, – нахмурился Матвей Кузьмич и пошёл к двери. – Тут кто-то чужой в избу стучится.

Он отодвинул записку, и в избу вбежала сама не своя Степанида Куприянова.

– Соседи, муж мой не у вас гостует? – выкрикнула она с порога.

Марфа Григорьевна в замешательстве посмотрела на неё и перекрестилась.

– А с чего ты взяла, что Макарка твой может у нас быть? – покосившись на мужа, поинтересовалась она.

– Давеча, с утра ещё, когда в город собирался, Макар попутно мыслил к вам по какому-то делу заехать, – сказала Степанида, блуждающим взглядом осматривая избу.

– Был он у нас, заглядывал, – поморщился Матвей Кузьмич. – В самый раз утром дело было.

– Уже ночь на дворе, а его всё нет! – всхлипнула Степанида. – Куда же он запропастился, Макарка мой?

– Да мало ли куда? – пожимая плечами, пробубнил Матвей Кузьмич. – В городе в гостях задержался. Разве ему в Самаре негде остановиться?

– Если бы он в гости поехал, то упредил бы меня заранее, что задержится, – дрожащим от слёз голосом вымолвила Степанида. – А сегодня он пораньше возвернуться обещал.

– Не бойсь, черти не унесут твоего Макарку, – с неприязнью высказался Матвей Кузьмич. – Он и сам похлеще всех чертей будет. Ты бы шла лучше домой, Степанида, а не мыкалась ночью по дворам. В избе своей дожидайся Макарку, у печи сидя. А он, как объявится, так прямоком домой подастся. Здесь, в деревне, никто особливо его не приветит и в гости не ждёт.

Заливаясь слезами, Степанида выбежала из избы. Старики в раздумье, будто договорившись, повернулись к иконам лицами и опустили перед ними на колени.

* * *

Развёрнутые оглоблями в сторону берега сани прочно застряли в полынье. Лошадь, запутавшись в сбруе и вожжах, лежала на берегу, у самой кромки воды, судорожно дёргаясь и силясь освободиться. Связанный по рукам и ногам Макар Куприянов сидел в сани. Одежда на нём промокла, а холодная речная вода доходила до горла.

Выбравшись из сугроба, в котором он оказался, вылетев из саней, Силантий достал из валенка нож и освободил лошадь от сбруи и вожжей. Освободившись от пут, та вскочила на ноги, затем выбежала на дорогу и помчалась в направлении деревни.

Убрав нож, Силантий подошёл к берегу, присел у кромки воды и посмотрел на тонущего в полынье Куприянова.

– И как ты там, Макарка? Тепло ли тебе в водице студёной или холодно?

– Всё, будя чудить, – отозвался, стуча от холода зубами, Куприянов, – сам видишь же, что утону я сейчас.

– И не просто вижу, а жду не дождусь, когда ты камнем ко дну пойдёшь, – рассмеялся Силантий. – Вот когда башка твоя под водой скроется, тогда я и уйду.

– Скажи, за что ты подверг меня пытке эдакой? – закричал вне себя Куприянов. – Что я тебе сделал, скажи?

– Мне ты не сделал ничего, а вот людям в деревне много зла причинил, – ответил Силантий. – В долги всех вогнал, забираешь у них всё, что захочешь.

– Ложь! Всё навет на меня! – закричал истерично Куприянов. – Это злые языки меня обгаживают!

– Люди всей деревней попусту трепаться не будут, – усмехнулся Силантий. – А ты тони, тони себе, негодник. Это сначала водица студёной кажется, а потом, когда в ад входить будешь, там и согреешься.

С каждой минутой сани всё глубже и глубже оседали в реку, а вместе с ними и Куприянов.

– Ты погляди, я же утону сейчас? – простонал он в отчаянии. – Ты же грех смертный на душу берёшь.

– Э-э-э... Да у меня на душе уже столько грехов, не счесть! – захохотал, развеселившись, Силантий. – Душа у меня, как уголь, чёрная! А греха за то, что тебя утопил... Не-е-ет, твоя погибель доставит радость всей деревне! Так лучше молись, пока жив ещё, а не спорь со мной – жить тебе или не жить, понял?

– Может, и помолился бы, да некому, – захныкал Куприянов. – Нет тут моего бога, нет!

– Как это нет? – удивился Силантий. – Понятное дело, Бога никто не видит, но Он всегда со всеми рядом, не сомневайся, Он здесь.

– Бог мой во плоти, и он здесь быть не может, – выкрикнул, хныча, Куприянов. – Мой Христос... Он среди людей живёт!

– Постой, где-то я уже это слышал? – ещё больше удивился Силантий. – Ты что, христовер убогий, Макарка? Поди на борту корабля хлыстов себе местечко пригрел.

– Хлысты смрадные греховодники, а я из другого теста вылеплен, – отозвался, рыдая, Куприянов.

Услышав его ответ, Силантий даже привстал от изумления.

– Из другого? Это из какого же?

– Что ни на есть праведного, – всхлипнул, отвечая, Куприянов. – Оскоплённый я... И Прокопий Силыч Христос мой.

– Значит, ты скопец, чёрт поганый? – рассмеялся Силантий. – Сдаётся, что ты ещё понадобишься мне. Но завтра... Завтра ты к Матвею Кузьмичу Звонарёву наведаешься, в ножки ему поклонись и прощения попросишь за то зло, что ты причинил ему.

– Зло? Матвейке? – воспрял духом Куприянов. – Да ни в жизнь такого не было, поверь?

– Не трепись, а то передумаю и тонуть тебя здесь оставлю, – прикрикнул Силантий, беря в руки вожжи и бросая конец Куприянову. – На-ка вот, держи, иуда...

– Дык как же я? Руки-то связаны? – прохныкал тот.

– Зубами держи, ежели жить хочешь, – рыкнул на него Силантий. – Не полезу же я в воду подсоблять тебе на берег выкарабкиваться.

Изловчившись, Куприянов ухватился связанными руками за конец вожжей, брошенный Силантием.

– Видать, шибко жизнью дорожишь, тварь подколодная, вон как цепляешься, – вздохнул тот. – Ну, держись крепче, скопец. Я начинаю тебя вытаскивать...

19

Георгий Стрельников, иерей Самарского кафедрального собора имени Покрова Божьей Матери, неожиданно появился в Зубчаниновке и пришёл в молельный дом христоверов. Теряясь в догадках относительно его визита, старец пригласил его за стол. Андрон не раз видел молодого красивого священника, но лично беседовать им пришлось впервые.

– Я хочу спросить у тебя, Андрон, ты не сердишься, что я без приглашения пожаловал на корабль твой? Кажется, именно так вы, христоверы, называете свою обитель.

– Да я рад тебя приветствовать на корабле нашем, батюшка, – ухмыльнулся старец. – А сержусь ли я на тебя? Гм-м-м... Не вижу в том надобности. Ну, пришёл к нам в гости, значит, пришёл.

– А пришёл я познать смысл веры вашей, который, как ни стараюсь, никак понять не могу, – сразу перешёл к делу иерей. – Я много всякой всячины слышал о вас и учениях ваших. И в беседе с тобой хочу увидеть черту, отделяющую правду от кривды.

Выслушав гостя, Андрон натянуто улыбнулся.

– Ответ мой таков будет, – медленно заговорил он. – Напраслину на нас возводят, батюшка, как есть говорю. Мы не порываем связи с православием и в церковь исправно ходим. Охотно чтим все догмы и традиции православные. Ну а кто, выходя из церкви, на радения к нам идёт, так мы завсегда пожалуйста. Милости просим всех и каждого. У нас не принято гнать взашей тех, кто душой и сердцем к нам тянется.

– Тогда что вы проповедуете в стенах ваших, отличное от проповедей в храме православном? – поинтересовался иерей, глядя в прищуренные глаза старца. – Чем морочите прихожанам головы, что они на радения ваши гуртом идут?

– Мы проповедуем аскетизм и безбрачие, – усмехнулся Андрон, отвечая. – И заповеди наши просты в разумении: хмельного не пейте, плотского греха не творите, не женитесь, а кто женат, как с сестрой, с женой живите; не женимые не женитесь, женимые разженитесь.

– Действительно всё просто, – вздохнул иерей. – А про свальные грехи почему же умалчиваешь? Про оргии развратные почему не говоришь?

Выслушав его, старец выпрямился, будто готовясь к рукопашной схватке, расправил плечи и с блуждающей улыбкой ответил:

– Наговор и напраслина, эдак я называю все худое, что про нас болтают. Злые языки не отрежешь и лживые рты ничем не заткнёшь.

– А голоссалии и пляски греховные вы тоже молитвой называете? – наседал иерей. – И Христа назначаете сами? Это же ересь и страшный грех.

– И «то» тебе, и «сё» не нравится, батюшка, – вздохнул Андрон. – А люди-то к нам на радения, как ты сказал, гуртом бегут. Скучают они на проповедях ваших и, стало быть, в вероучениях сомневаются. А чего пляшем мы на радениях наших, да чтоб радость в души прихожан вселить. Ты Библию почитай, батюшка. Надобно молиться по старинке, как молился царь Давид для спасения душ. А, молясь, он скакал из всей силы перед Господом!

– Это всё от лукавого, – поморщился иерей. – И от секты вашей всё больше бесовщиной пахнет. Нет от вас пользы для людей, нету!

Андрон с откровенностью искреннего убеждения покачал головой.

– Не понимаем мы друг друга, батюшка, чую, что и не поймём, – высказался он, вздыхая. – Какая польза людям про Бога знать и святых, которых он не видит и помощи от них не получает. Люди не познают Бога, не видя Его живым. А вот мы открываем им Бога живого, и они нам благодарны за то.

– Да это же грех великий Господом представляться? – возмутился иерей. – Ты что, не боишься гореть в аду, безумец?

– Ад не для нас, не такие мы! – улыбнулся довольно старец. – Для нас на горе Арарат уготовлены райские пуши. А вот вы, попы, только и думаете, как бы что содрать с живого и с мёртвого. А в Евангелии прямо сказано: что даром получаем, то даром давайте, и ищущему у тебя рубаху отдай и кафтан ему.

* * *

Мария Крапивина притаилась в сенях у слегка приоткрытой двери. С замирающим сердцем она внимательно слушала, о чём говорили старец и его гость. В это время с улицы в сени вошла Евдокия. Мария резко обернулась и приложила к губам палец:

– Тс-с-с...

– Эй, ты чего? – удивилась Евдокия.

– Там к старцу батюшка пришёл, – прошептала Мария и снова прикоснулась ухом двери.

– Батюшка? А зачем он здесь? – насторожилась Евдокия.

– Кабы знать, – пожимая плечами, прошептала сестра. – Сидят вон битый час за столом и лясы точат.

– Да? А о чём? – тоже перешла на шёпот Евдокия.

– О Боге и ещё о чём-то, – выпалила Мария. – Я не понимаю, о чём.

– Тогда отойди, дай я послушаю? – предложила Евдокия.

– Что про тебя, думаешь, калякают? – недовольно буркнула, отходя в сторону, Мария.

– Откуда мне знать? – прошептала Евдокия. – Хочу услышать, для чего это батюшка к Андрону пожаловал. Ведь нет промеж них ничего общего.

– Значит, есть, – нахмурилась озабоченно Мария. – Жалко, что они будто не говорят, а перешёптываются. А я...

– Тс-с-с, не мешай слушать, – приложив к губам палец, остановила её сестра.

* * *

– Вы вот ночами радения свои бесовские проводите, а это значит только одно, что не всё у вас чисто и ладно, – продолжая разговор, сказал иерей. – Ночами праведники дома спят, а те, кто Сатану почитает, в самый раз свои чёрные мессы справляет.

Андрон вопросительно взглянул на него, не понимая, к чему тот клонит.

– Почему вы радуете в поздний час? – продолжал задавать вопросы иерей. – Ночами все помыслы и проповеди от лукавого, не от Бога.

– И вы, случается, проводите по ночам свои богослужения, – осклабился старец. – И мы не все радения ночами проводим. В большинстве своём вечерами. Да и вечерние молитвы вы в храме тоже исправно читаете. Пасха, Рождество, крещение... Тебе ещё назвать несколько обрядов, которые вы ночами проводите?

Иерей удивился, но быстро взял себя в руки.

– Те обряды, которые мы ночами проводим, не от лукавого, а по воле божьей, – уводя глаза в сторону, сказал он.

– Ну вот, оказывается, и вы, попы, выдумщики и пройдохи, – усмехнулся Андрон. – То Бога небесного выдумали, то обряды ночные божьей волей обрекли. Но ведь православную церковь основали не попы, а апостолы. Апостолы посеяли, а попы плоды пожинают. И ничего супротив этого не поделаешь, так ведь, батюшка?

Иерей промолчал, почувствовав, что победителем из спора с этим умным стариком ему не выйти.

– А чего это ты глаза прячешь, батюшка? – заинтересовался Андрон. – Может, самовар поставим и чайку попьем?

Иерей поморщился. Он пришёл говорить с тёмным безграмотным человеком, а натолкнулся на изворотливого ловкача, который сейчас, ради забавы, словно издевался над ним.

– Пожалуй, мне пора, – вздохнул иерей, поднимаясь. – Я же только на минутку заглянул, а проговорил уйму времени.

– А что, заходи, ежели заскучаешь среди икон своих, батюшка, – не стал его удерживать Андрон. – Кто-то когда-то говорил, что из споров рождается истина. А истина – путеводная звезда горемычному народу нашему.

* * *

Евдокия и Мария Крапивины отпрянули от двери прежде, чем выходивший из избы батюшка открыл её. Сёстры спешно сбежали по ступенькам крыльца, остановились под окнами дома и сделали вид, что беседуют друг с другом.

Иерей Георгий в сопровождении Андрона вышел из дома и, проходя мимо сестёр, внимательно осмотрел их обеих. Евдокия смутилась под его взглядом и отвернулась, а Мария, напротив, преобразилась и раскраснелась.

Иерей вышел со двора, уселся в сани и уехал. Андрон проводил его долгим взглядом.

– Ступай за мной, голубка, – сказал он Евдокии. – Побеседовать с тобой надо.

С понурым видом девушка поспешила к крыльцу.

– Как считаешь, что наговорил поп старцу? – встревожилась Мария. – Ты что-нибудь слышала, Евдоха?

– Нет, ничего, – поспешно ответила Евдокия. – Но если Андрон позвал меня поговорить, значит, батюшка приходил к нему с разговором обо мне.

– Ты в этом уверена? – ужаснулась Мария.

– Нет, не уверена, но чувствую, что не к добру всё это...

* * *

Когда Евдокия вошла в горницу, старец сидел за столом.

– Тебе интересно знать, Евдоха, какого ляду приходил этот поп к нам? – глядя на неё исподлобья, спросил Андрон.

– Н-нет, – едва слышно проговорила девушка.

– А мне хотелось бы, – с мрачным видом проговорил Андрон. – Для отвода глаз он затеял со мной разговор пустой о религии, но приходил он по другому делу.

– Вы думаете, что он собирался поговорить обо мне? – испугалась Евдокия.

– Полагаю, что так, – насупился старец. – Хотя нечего теперь рядить-гадать.

– Тогда что, я могу идти? – осторожно, чтобы не рассердить его, поинтересовалась Евдокия.

Андрон на её вопрос ответил таким тяжёлым взглядом, что она побледнела и опустила голову.

– Скажи-ка мне, Евдоха, Евстигней всё ещё не шлёт тебе вестей о себе?

– Ни весточки, ни писульки покуда не прислал, – не поднимая головы, ответила Евдокия.

– Значит, сгинул он на войне, однозначно, – вздохнул Андрон.

– Все жданки прождала, – едва сдерживая слёзы, посетовала Евдокия. – И теперь я его тоже погибшим считаю.

– И барин носа не кажет, – пробубнил задумчиво старец. – А ты в ту ночь, после радений, когда легла с ним рядом, ничем не огорчила барина?

– Да нет, он сам сознания лишился, – пролепетала Евдокия, встретившись с тяжёлым взглядом Андрона и ужаснувшись. – А потом я...

– Да, помню я ту оказию, – заметив её смятение, смягчился старец. – Вот всё присматриваюсь я к тебе, Евдоха, и диву даюсь. Какая-то ты у нас не такая, не от мира сего. Не везёт тебе с мужьями духовными. Знать ты не эдакая, как все, а особенная.

Евдокия покраснела:

– Нет во мне ничего особенного.

– Сегодня, на радениях, всё станет ясно, – жестко ответил старец. – Ежели ты эдакая, как я мыслю, сделаю тебя «богородицей» при себе. А теперь ступай и займись делом. До вечера ещё далеко, а работу за тебя никто делать не будет.

20

В деревне свирепствовала метель. В воздухе сплошной белой массой кружил снег, падающий из облаков и поднимаемый ветром с земли.

– О-ох, что на дворе-то творится, – вздохнула Степанида, прислушиваясь к звукам бесчинствующего за окном шквального ветра. – Светопреставление... Всё поди сравняло на дворе снегом. Как откапываться с утра будем, ума не приложу.

Она посмотрела на мужа и тяжело вздохнула. Макар Куприянов лежал в кровати и протяжно стонал. У него был сильный жар, жёсткий, сухой кашель разрывал лёгкие и бронхи.

– Худо мне, Степанида, – с трудом откашлявшись, прошептал, задыхаясь, он. – Попить дай, всё нутро пересохло.

– Вот, испей настоечки, Макарушка, – со страдальческим видом она протянула ему бокал. – На меду, на травках лесных и на малине яголке настоящая.

С трудом откашлявшись, Куприянов сделал несколько глотков.

– О-о-ох, до утра доживу ли, – простонал он. – Всё здоровье зараз в полыньё оставил.

– Ничего, к утру полегчает, – сказала Степанида. – Настоечка вытеснит всю хворь из груди, и к утру здоровьице к тебе вернётся.

Некоторое время Куприянов тяжело дышал и неподвижным взглядом смотрел в потолок.

– Когда этот демон меня в полыньё загнал, я подумал, что всё, пора с жизнью прощаться, – прошептал он. – Вся одёжка студёной водой пропиталась и камнем ко дну тянула.

– Как же ты не углядел его, Макар? – шмыгая носом, поинтересовалась Степанида. – Он что, из земли вынырнул и в сани к тебе сиганул?

– Всё эдак и было, как я тебе поведал, – покосившись на неё, прошептал Куприянов. – Знать не знаю, откуда он вынырнул, из сугроба али из-под земли, но в сани ко мне он скоренько запрыгнул. Демон этот будто караулил меня, поганец, не боясь мороза лютого.

– Как же лика ты его не разглядел, Макарушка? – всхлипнула Степанида. – Луна вон какая светила, как днём всё видать было.

– Ты думаешь, мне до того в тот час было? – прохрипел Куприянов. – Как он запрыгнул в сани, сердце моё в пятки ушло, а глаза пелена застелила. Он меня оглушил, чем-тоогрев по башке, а когда память вернулась, я уже по рукам-ногам связан был.

– А ты сам как мыслишь, кто может быть тать тот? – вытирая слёзы, спросила Степанида. – Кто-то из нашенских, из деревенских?

– Ежели узнал бы я его, то ещё когда в избу вернулся, сразу об том тебе бы поведал, – борясь с очередным приступом кашля, прошептал Куприянов. – Голос чужой какой-то, будто нечеловеческий. А лик... Вот, сейчас вспомнил, башка его башлыком была накрыта.

Степанида горестно вздохнула и, заламывая в отчаянии руки, всхлипнула.

– И чего этот тать к тебе причыпился, Макарушка? – заливаясь слезами, вымолвила она. – Я ведь когда тебя увидела, так и обмерла вся. Краше в гроб кладут, вот как ты выглядел.

– Из реки меня вытащив, он велел мне по деревне пройти и перед людьми покаяться, – с трудом откашлявшись, продолжил Куприянов. – Я ещё утром должен был это сделать, да, видишь ли, занемог. Боюсь, он к нам в избу заявится и спрос с меня учинит.

– А за что ты каяться перед кем-то должен? – всполошилась Степанида. – Разве ты кому-то чего-то худого сделал?

– А то ты не знаешь, – прохрипел в ответ Куприянов. – Почитай все в деревне мне что-то должны. Вот и я теперь всем должен простить им долги да ещё покаяться.

– Может быть, дети Звонарёвых с каторги сбёгли, а теперь чудят над нами? – предположила, бледнея, Степанида. – Это они с тобой зло творят. Ты ж подсобил уряднику их на каторгу спровадить, вот они и...

Громкий стук в дверь заставил ее умолкнуть.

– Это он, – заёрзал в постели Куприянов, – это он, чертяка, спрос с меня чинить явился.

Степанида припала лицом к окну. За замороженным, покрытым узором стеклом смутно проглядывалась фигура человека с фонарём в руке.

– Кто там? – сама не своя от страха взвизгнула она. – Мы нынче никого не ждём в гости.

– Не в гости я, а спрос чинить! – прозвучал еле слышимый из-за двери, заглушаемый порывами ветра голос. – Макарка твой задолжал мне кое-чего и мой наказ не выполнил!

– Не пущай, не пущай его, жена! – сползая с кровати, взмолился насмерть перепуганный Куприянов. – Он же... Он же... Он же порешит меня, Степанида?

– А не пушу я тебя в избу! – прокричала в сторону двери Степанида. – Ступай, откель пришёл, демон нечистый!

В ответ на её отказ гость поднял над головой руку с фонарём и закричал:

– Не пустишь – спалю хоромы ваши вместе с вами. Того хотите?

Ни живая ни мёртвая Степанида с потеряннным видом посмотрела на мужа.

– Макарушка, он спалить нас грозитя.

– Что ж, тогда открывай, – едва ворочая языком, вымолвил Куприянов. – Если спалить обещает, то так и сделает. По себе знаю, что попусту словами этот демон проклятуший не разбрасывается.

* * *

Проводив Силантия за дверь, старики Звонарёвы поспешили к иконам. Горячими молитвами они старались заглушить тревогу внутри, вызванную странным поведением сына.

Помолившись и обретя утешение, старики уселись за стол друг перед другом и горестно вздохнули.

– Надо же, – покачала головой Марфа Григорьевна, – опять в ночь-полночь собрался и пошёл. Он с войны шальной возвратился. Будто не в своём уме сыночек наш, отец?

– Весь день почитай в окошко зыркал, будто кого поджидая, – согласился с ней Матвей Кузьмич.

– А я ту ночь, когда Степанида Куприянова к нам прибежала, всю напролёт промаялась, беду сердцем чуяла, – всхлипнула Марфа Григорьевна. – А сыночек явился под утро, бухнулся спать и в ус себе не дует.

– А нынче налил в фонарь керосин и куда-то подался, – вздохнул Матвей Кузьмич. – Не иначе Макарку жечь, нутром чую.

– О Господи, Боже мой милостивый! – всплеснув руками, запричитала Марфа Григорьевна. – Натворит бед сыночек наш безмозглый! Ни ему, ни нам не сносить теперь головы!

– Чему быть, того не миновать, – снова вздохнул Матвей Кузьмич и в отчаянии махнул рукой. – Удержать мы его не могли, а теперь... Только одному Богу известно, что теперь с нами будет, ежели Силашка Макарку спалит.

* * *

Наступил вечер. Евдокия и Мария собирались на радения. Помогая друг другу, они натянули белые рубахи, сверху овчинные полушубки и присели на скамейку в ожидании приказа.

– Аж дрожь берёт, как подумаю, что Андрон и меня на «большой собор» берёт, – покосившись на дверь, прошептала Мария. – Говорят, что много народу там соберётся.

– Я тоже о том слыхала, – вздохнула Евдокия. – «Богородицу» выбирать будут и раденья большие учинять.

– Интерес берёт, кого выберут? – загорелась Мария. – А ежели кого-то выберут, то куда Агафью денут?

– Кого Андрон назначит, того и выберут, – усмехнулась Евдокия. – И Агафья на своём месте останется, старец очень почитает её.

Сёстры поочерёдно вздохнули и замолчали прислушиваясь. Они взволнованы. «Большой собор» был очень важным событием в жизни хлыстов, и на него собирались самые значимые в секте люди.

– Никогда не была на таких радениях, – едва скрывая рвущийся наружу восторг, прошептала Мария. – Как считаешь, чем они лучше всех остальных?

Евдокия пожала плечами.

– Я, как и ты, впервой призвана, – сказала она. – Вот погляжу и знать буду, чем отличаются такие радения от всех остальных.

– А я...

Из сеней послышался голос старца.

– Эй, Марья, Евдоха, живо на выход! Ждать времени нету, так что поспешайте, голубки мои!

* * *

Силантий вошёл в горницу, грубо отстранив рукой вставшую на пути Степаниду. Не раздеваясь, не разуваясь, он прошёл к кровати Куприянова, встал у изголовья и склонился над ним, как стервятник над своей добычей.

Макар весь сжался от страха и закрыл глаза в ожидании расправы. Но Силантий, глядя на него, лишь укоризненно покачал головой.

– Ну что, аспид, отлежаться решил, чтобы не исполнять данного мне обещания?

– Люди-и-и, на помощь! – завопила истерично Степанида. – Убийца в нашу избу явился, и он...

Она умолкла, увидев револьвер, направленный в её сторону.

– Заткни глотку, курва! – прикрикнул Силантий. – Ещё пикнешь, обоих порешу!

– Нет-нет, не стреляй, не надо! – натягивая на грудь одеяло, стонал обессиленный болезнью и паническим страхом Куприянов. – Я же хворый, жаром пылаю, вот и выйти из избы не могу!

– Значит, хворый ты? – усмехнулся Силантий. – Сейчас проверю. Уж не взыщи, ежели врешь.

Он коснулся уродливой ладонью лба Куприянова.

– И впрямь жаром горишь. Считай, что повезло тебе, пройдоха, и... И, видать, не в усладу тебе пришлась ледяная купель.

Он сдёрнул с Куприянова одеяло и ткнул стволом револьвера ему в область паха.

– А теперь порткиними! – потребовал он. – Видеть хочу печать скопцовскую и удостовериться, что не сбыхнул ты.

Куприянов посмотрел на притихшую у стены супругу затравленным взглядом. Степанида стояла статуей, бледная, беззащитная и растерянная.

– Ну, чего медлишь? – повысил голос Силантий. – Снимай портки, кому говорю? Предъявляй напоказ печать скопцовскую. Ежели ты сбыхнул мне и яйца с хреном твои на месте, то я, прямо сейчас, одной пулей тебя оскоплю!

Подчиняясь его требованию, Куприянов, кряхтя, со стоном, встал с кровати и опустил до колен портки.

– Всё, убедился я, что не сбыхнул ты, – удовлетворённо кивнул Силантий, убирая в карман револьвер. – Одевай портки и в кровать ложись. Вижу, печатью скопцов ты отмечен.

Он обернулся и посмотрел на Степаниду:

– А ты? Ты тоже оскотенная, говори?

Степанида утвердительно кивнула.

– Ну, раз так, то знакомиться давайте, по-свойски, по-приятельски, – озадачил Куприяновых Силантий. – Как считаете, есть в том резон?

– Так мы познакомились уж, лучше некуда, – отозвался с кровати Куприянов. – Или ты ещё что-то задумал, злыдень?

– А ты не сердчай, Макарка, – повернулся к нему Силантий. – Ты лучше спасибо мне скажи, что живым тебя оставил.

– Ну спасибочки, ежели ты того хочешь, – простонал то ли от боли, то ли от досады Куприянов. – А вот почему ты меня живым оставил, ежели убить мыслил?

– Родственную душу в тебе разглядел, вот почему, – ухмыльнулся Силантий.

– То есть? Как это? – не поверил своим ушам Куприянов.

– Со скопцами меня сведёшь, вот как, – предложил Силантий.

– Ты эдак шуткуешь?

– И в мыслях не держу. Разве заметно, что я шуткую?

Куприянов закашлялся. От жесточайшего приступа у него выворачивало внутренности. Жена с беспомощным видом хлопотала рядом, пытаясь напоить мужа лечебной настойкой.

Силантий, отойдя в сторону, угрюмо наблюдал за Куприяновыми. Кое-как откашлявшись и отдышавшись, Куприянов посмотрел на гостя.

– Скопцы – это не хлысты, – сказал он хриплым голосом. – Хлысты проповедуют одно, а делают другое. Они поганцы и извращенцы. Один только свальный грех говорит много о чём.

– Да? А чем же скопцы лучше хлыстов? – заинтересовался Силантий. – Как я слышал, они раньше на одном корабле плавали.

– Да, было дело, – прошептал Куприянов. – Но об этом тебе лучше меня старец Прокопий Силыч расскажет, если согласится встретиться с тобой.

– Вот даже как? – неподдельно удивился Силантий. – У вас что, порядок такой? Чтобы поговорить со старцем, я должен получить у него на то дозволение?

– Да, эдак у нас заведено, – подтвердил Куприянов. – Я сказал уже, что хлысты и скопцы вроде как христоверы и многое у них одинаковое, и обряды и радения, но... Они разные.

Кое-как закончив фразу, Куприянов снова закашлялся и был вынужден прервать разговор.

– Хорошо, со старцем Прокопием Силычем я позже встречу и поговорю, – сказал Силантий. – Но сначала весь быт корабля вашего ты мне обскажешь.

– Обскажу, если того желаешь, – пообещал, тяжело дыша, Куприянов. – Но... Раз знакомиться тебе приспичило, то назовись и рыло своё покажи.

– Ты ведь сынок Звонарёвых? – поинтересовалась приходящая в себя Степанида. – Только который из них?

– Не тот, на кого вы думаете, – усмехнулся Силантий. – Я не первый, не второй, не третий и не четвёртый.

– Силантий? Ты? – прохрипел удивлённо Куприянов.

– Я, не сомневайтесь, – подтвердил Силантий. – Так вас ещё лицо моё интересует? Что ж, глядите, только на ногах не стойте.

Окинув лица Куприяновых взглядом, он снял с головы башлык, и... Увидев его лицо, Степанида схватилась руками за грудь, закатила глаза и упала на пол.

– Силы небесные, что это? – закричал в ужасе Макар, закрывая глаза и натягивая на голову одеяло.

21

«Божьи люди» один за другим входили в дом купца Лопырёва. На «большой собор» они съехались по приглашению старца Андрона со всех уголков Самарской губернии. На «собор» приглашались наиболее уважаемые члены других общин христоверов.

Переступая порог, в прихожей приглашённые снимали верхнюю одежду, оставаясь в белых радельных рубахах. Приветствуя друг друга, хлысты трижды кланялись земными поклонами, затем проходили в так называемую сионскую горницу и рассаживались по заранее приготовленным скамейкам и табуретам.

По распоряжению Андрона Савва Ржанухин разлучил Евдокию с сестрой и усадил её на самое почётное место в горнице. Оказавшись одна перед десятками глаз, девушка почувствовала себя неуютно и покраснела. Ей хотелось немедленно встать и уйти, забиться в дальний угол и оттуда наблюдать за всем, что будет происходить во время «собора». «Поступить так, как я хочу, себе же на погибель, – подумала она, опуская глаза в пол. – Ежели вдруг я выкинула бы такое, то...»

«Собор» начался торжественно. Все хлысты встали на ноги и стали креститься обеими руками и кланяться друг другу. Затем они снова уселись на свои места, и в горнице зависла полная тишина, которая длилась минут пять. Всё это время хлысты сидели, склонив головы и не шевелясь.

Пауза длилась до тех пор, пока в горнице не появился старец Андрон. Облачённый в белую до пят рубаху, с изображающим пальмовую ветвь белым платком в руке, с торжественным видом, старец вбежал в горницу и встал рядом с Евдокией.

Андрон помахал над головой платком, и все хлысты, как по команде, хором затянули «гимн» «Царю Небесный», канон пятидесятницы.

«Что делать? Что делать? – лихорадочно думала Евдокия, сидя рядом со старцем на табурете. – Все поют, а я... У меня будто все слова выветрились из головы? Столько людей поют и смотрят на меня, а я...»

Допев «Царю Небесный», хлысты тут же перешли на другую голоссалию и затянули «Дай к нам, Господи, дай к нам Иисуса Христа».

«Ой, и этих слов я не помню, – запаниковала и заёрзала на табурете Евдокия. – Как же быть? Как же быть мне, несчастной? Ведь старец опосля душу вынет из меня».

Старец сидел с ней рядом и тихо подпевал «хору» adeptов. Он не поворачивал головы к Евдокии и словно не замечал её молчания. А когда голоссалии закончились, он встал:

– Братцы и сестрицы! Возвещаю вам радость великую, хочу огласить вам веселие!

Выслушав его, хлысты вскочили со своих мест. Послышались вздохи, всхлипы и рыдания.

Евдокия тоже поднялась на ноги. Она стояла сама не своя от терзающего её волнения. То, что она видела и слышала, происходило с ней впервые. Но она не чувствовала того восторга, который всякий раз находил на неё при прежних радениях.

Старец взмахнул над головой платком, и хлысты, убрав в стороны скамейки и табуретки, образовали посреди горницы большой круг. Андрон взял Евдокию за руку и вывел её в центр.

Оказавшись в окружении сектантов, Евдокия сначала испугалась. А когда увидела в их руках хлысты, то и вовсе содрогнулась от ужаса. «Это всё мне? – мелькнула в голове шокирующая мысль. – Это они меня сейчас сечь плетью собираются?»

Круг пришёл в движение. В руках у сектантов замелькали хлысты, но ни один из них не коснулся Евдокии. Сектанты подстёгивали друг друга. Задние подстёгивали скачущих впереди, и радение превратилось во всеобщую порку. При этом входящие в раж сектанты не то

пели, не то причитали, покачиваясь в такт. На их рубахах стали появляться кровавые полосы, но хлысты не обращали на них внимания.

Андрон, находясь в кругу вместе с Евдокией, тоже не стоял на месте. С молодцеватым задором он выплясывал вровень со всеми. И голосалии он распевал всё громче и громче, а хлысты всё увеличивали темп.

– Братья и сёстры! – закричал вдруг Андрон, остановившись. – Все вы люди Нового Изра-иля, знаете и помните вещие слова Исая: помилует Господь Иакова, и снова возлюбит Изра-иля, и поселит на земле их!

Сектанты перестали хлыстать друг друга, но не остановились. Они продолжали кру-житься, одновременно слушая проповедь.

– И воистину возлюбил нас Господь! – продолжил вещать Андрон. – Потому, что поганные тела ваши ещё здесь, на грешной земле, а души уже там, на святых и чистых небесах. Вы не жалеете страданий, чтобы изнурить грешные тела свои, и придёт блаженная минута, когда вырвется душа каждого из вас из оков проклятых и вознесётся.

Старец умолк и сразу же послышался вопль «богородицы» Агафьи:

– Всем! Всем радеть «Давидовым раденьем»!

Евдокия стояла в центре круга не шевелясь. Она не принимала участия в радениях. От хаоса, воцарившегося в горнице, у неё кружилась голова. А хлысты скакали, вертелись, кру-жились вокруг. Раздувающиеся на них, взмокшие от крови и пота радельные рубахи едва не задували свечи.

Отдышавшись в сторонке, Андрон вновь ворвался в круг и, тыча в Евдокию пальцем, закричал:

– Люди божьи! Поглядите на неё! Это же «богородица» наша! А ещё пророчица она, слышите, пророчица!

Услышав его, Евдокия едва удержалась на ногах от внезапного нервного потрясения, а горница наполнилась плачем, воплями и рыданиями. Хлысты, прекратив кружение, стали падать перед ней на колени. Все присутствующие возжелали услышать из её уст «предречения».

– Скажи, блаженная, вещай слова пророчества! – закричала визгливо Агафья. – Прелей из чистых уст твоих сказанья несказанные!

Крестясь обеими руками, она преклонилась перед Евдокией до земли.

– Вещай, чистая, святая душа! – вскричал Андрон, поддерживая Агафью. – Озвучь гла-голы истины! Сподобилась ты дара пророческого, осветилась душа твоя светом неприступным! Ты избранница! Ты уготованная агница!

И с плачем, и с воплями, и с рыданиями, и с завываниями поползли хлысты на коле-нях к ногам ошарашенной Евдокии. Безмолвно стояла девушка, безучастно взирая на массу людей. В состоянии ступора она не видела и не слышала обращённых к себе слёзных взываний и молений.

Намётанным взглядом Агафья заметила, что с Евдокией творится неладное.

– Накатило! – закричала старица. – Духом завладела она! В молчанье он ей открывается!

Её тут же поддержала находчивая Мария. Она тоже поняла, что с сестрой что-то не так, и включилась в игру, затеянную старицей.

Девушка завизжала и, изображая судороги, упала на пол. Глядя на неё, воспрявшие хлы-сты тут же возобновили радения. Усердно изображая приступ эпилепсии, так почитаемой сек-тантами, Мария лежала на полу, извивалась у ног Евдокии и кричала нечеловеческим голосом.

– Накатил, накатил! – глядя на неё, вещали хлысты. – Станет в слове ходить! Пойдёт! Пойдёт!

Радостный Андрон подхватил всеобщий восторг.

– Ай, дух! Ай, дух! – закричал он, поднимая вверх руки. – Ой, эва, ой, эва! Накатил, накатил! Эка радость, эка милость, эка благодать, стала духом обладать!

Впавшие в состояние полной эйфории, хлысты один за другим стали падать на пол. В образовавшейся куче стонущих, пыхтящих, шевелящихся тел невозможно было увидеть свободного участка пола. Хлысты рвали на себе одежды и сливались в объятиях, предшествующих «свадьному греху».

Переступая через тела, Андрон приблизился к безучастно стоявшей Евдокии и взял её за руку.

– Эх, и подвела же ты меня, Евдоха бестолковая, – зло шептал он. – Чутки перед людьми не оскрамила своей бестолковостью. Если бы не Агафья и Марья твоя, то...

Он перенёс Евдокию в другую комнату, уложил на кровать и, проведя несколько минут в раздумье, сорвал с неё радельную рубаху. Ещё некоторое время старец любовался потрясающей красотой её стройного гибкого тела, после чего снял рубаху.

Вошедшая Агафья погасила свечи и вышла. Комната погрузилась в темноту. Тяжело дыша, Андрон взобрался на кровать, раздвинул Евдокии ноги, и она пришла в себя.

– Нет... нет... нет... – зашептала она. – Не можно так. Я не хочу! Я...

– Уймись и заткнись, Евдоха, – зловеще прошептал Андрон, усиливая натиск. – Я твой кормчий, я твой Христос... И не думай сопротивляться, голуба. Рассердишь меня, прокляну на веки вечные, запомни...

* * *

Остаток ночи униженная и растоптанная Евдокия провела в слезах. Лёжа в постели, укрывшись с головой одеялом, она кусала в отчаянии губы и гнала прочь воспоминания. Мысли путались в голове, обжигали мозг, рассыпались и собирались вновь. «Что же делать мне теперь горемычной? – спрашивала она у себя. – Старец надругался надо мной, изнасиловал, унизил... Как же теперь жить мне под одной крышей с ним?»

Плача и ворочаясь в постели, Евдокия не заметила, как наступило утро. Стук в дверь заставил её встрепенуться. В комнату вбежала возмущённая сестра Мария.

– Эй, Евдоха? – крикнула она. – Чего это с тобой? Чего на трапезу утреннюю не явилась?

– После всего, что было, кусок в горло не лезет, – вздохнула Евдокия, отворачиваясь к стене.

С пасмурным видом Мария подошла к кровати и взяла доверительно сестру за руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.